

маньчжурские стрелки

Богдан Сушинский

секретный фарватер

Секретный фарватер (Вече)

Богдан Сушинский

Маньчжурские стрелки

«ВЕЧЕ»

2015

Сушинский Б. И.

Маньчжурские стрелки / Б. И. Сушинский — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Секретный фарватер (Вече))

В основу романа положены малоизвестные факты, связанные с полулегендарным рейдом группы полковника Курбатова, одного из непримиримых борцов с советской властью, по глубоким тылам Красной армии в 1944 году. Этот рейд не имел никакого военного или политического значения, а скорее явился проявлением отчаяния и безысходности, охвативших остатки белогвардейского подполья на пороге полного разгрома гитлеровских войск. Однако автор предлагает свою версию давних событий...

© Сушинский Б. И., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	8
3	11
4	16
5	19
6	24
7	31
8	36
9	39
10	41
11	46
12	49
13	54
14	59
15	61
16	63
17	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Богдан Сушинский

Маньчжурские стрелки

© Сушинский Б. И., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

Часть первая

Известность всякого диверсанта сотворяется многими годами его таинственной безвестности.

Автор

1

Над каменистым распадком сгустился холодный туман, клубы которого закипали где-то в глубине этой незаживающей раны земли, чтобы черной накипью оседать на огромных валунах, причудливых силуэтах скал и полуокаменевших стволах сосен.

Никакой тропы здесь не было, да и быть, очевидно, не могло, так что каждый, кто решался преодолеть распадок, должен был спускаться в него, как в погибельное чрево ада.

Проскочив небольшое плоскогорье, ротмистр Курбатов протиснулся между двумя валунами и, привалившись спиной к сросшимся у основания молодым стволам лиственницы, оскалился яростной торжествующей улыбкой. Вот она, Тигровая падь, – теперь уже рядом! Все-таки он до нее дошел. Еще каких-нибудь двести метров каменного смертоубийства – и он окажется на той стороне, у пограничной тропы Маньчжоу-Го¹. Всего каких-нибудь двести метров... Пусть даже каменного смертоубийства. Он, ротмистр Курбатов, пройдет их, даже если бы весь этот распадок оказался утыканным остриями сабель и штыков.

Жидкость, стекавшая по пробитому в каменном склоне руслу, была ржаво-красноватой и издавала подозрительный, тухловато-серный запах. Однако ротмистра это не сдержало: опустившись на корточки, он смачивал ладони на мокром камне – ручеек был настолько слабеньким, что зачерпнуть из него было невозможно, – и потом старательно облизывал их.

Тигровая падь Ярослава не пугала. Пограничные наряды туда не заходят: ни красные, ни маньчжурские. А если где-то наверху окажется засада, он будет прорываться, перебегая от карниза к карнизу, под нависающим гребнем левого склона.

Месяц назад он провел этим ходом одиннадцать диверсантов. Это были сорвиголовы, которых Курбатов знал еще по специальному отряду «Асано»² и с которыми прошел подготовку в секретной разведывательно-диверсионной школе «Российского фашистского союза». Да, тогда их было двенадцать. И продержались они около трех недель. Группа скрытно прошла по железнодорожным станциям почти до Читы, пуская под откос и обстреливая эшелоны, нападая на колонны машин, вселяя страх в станичные и поселковые советы.

Что-что, а дело свое солдатское эти парни знали. Каждый сражался, как подобало русскому офицеру и воину «Асано». Восемь из них погибли в стычках, один пропал без вести, но никто не заставит Курбатова поверить, что тот сбежал. Еще одного, раненого, удалось оставить в семье белоказачьей вдовы. И, наконец, последнего, командира группы Гранчицкого, тяжело раненого в перестрелке с тремя мужичками из истребительного батальона, князю Курбатову просто-напросто пришлось добить ножом уже в километре отсюда. Да, пришлось, иначе оба попали бы в руки красных.

¹ Государство, существовавшее в годы Второй мировой войны на севере нынешнего Китая, в Маньчжурии. *Здесь и далее – примеч. автора.*

² Особый отряд «Асано» был создан по приказу атамана Семенова в 1938 году в основном из белогвардейцев, на маньчжурской станции Сунгари-2, и находился на содержании и под покровительством штаба Квантунской армии. Офицеры этого отряда привлекались потом для создания других русских формирований.

Поначалу каким-то чудом им все же удалось уйти от погони. И Ярослав, сколько хватало сил, нес командира на себе, хотя, приходя на короткое время в сознание, ротмистр Гранчицкий всякий раз просил его: «Только не отдавайте меня большевикам, князь! Лучше пристрелите!».

Так что совесть ротмистра Курбатова, уходившего на задание под кличкой «Гладиатор», была чиста. Насколько она может быть чистой у солдата, которому пришлось добить своего командира. Даже если к этому его принудили крайние обстоятельства.

Источаемая скальным родничком жидкость оказалась солоноватой и вообще отвратительной на вкус. Тем не менее Курбатов сумел кое-как утолить жажду, а затем снова привалился спиной к сросшейся лиственнице и несколько минут просидел так, совершенно отключив сознание, в каком-то полубоморочном небытии, в которое умел вводить себя, возможно, только он один. Потому что только он обладал некоей полубожественной-полусатанинской способностью: в самые трудные, самые опасные, а иногда и постыдные минуты как бы изымать самого себя из окружающего мира, возносясь над всем, что происходило вокруг.

Только он способен был силой воли перевоплощаться в такой дьявольский сгусток желания: «Выжить! Во что бы то ни стало выжить!», при котором не только тело, но и сознание его каким-то образом оказывались как бы изолированными от окружающего мира, защищенными от всякой угрожающей им опасности.

Нет, Курбатов не брался ни описывать это состояние, ни уж, тем более, объяснять. Однако всегда умело пользовался его таинственными возможностями: и когда нужно было дольше всех пробыть под водой, и когда приходилось ворочать непомерные тяжести, к которым в обыденной жизни даже страшно было подступаться. И когда с непостижимой безмятежностью выдерживал такое напряжение и такую боль, какие, казалось, никто другой с подобной стойкостью выдержать не сумел бы.

Теперь же именно эти несколько минут «небытия» помогли Курбатову немного восстановить силы. Почти пятьдесят километров по горным дорогам и перевалам он прошел без отдыха, причем километров семь из них – с умиравшим Гранчицким на спине. Вот почему несколько минут, которые он провел сейчас у ствола лиственницы, показались ротмистру блаженными.

Возможно, время этого блаженства удалось бы продлить, если бы вдруг до слуха его не долетел чей-то голос. Послышалось? Да нет же, действительно голоса! И говорили по-русски.

«Ну вот, а ты, исключительно по легкомыслию своему, считал, что последний бой этого “даурского похода” уже позади, – с едкой иронией на устах упрекнул себя ротмистр. – Потопился, легионер, явно потопился!».

Курбатов повернул карабин стволом вниз, чтобы, в случае необходимости, «стрелять из-под руки», затем проверил оба пистолета и расстегнул кожаный чехол, в котором носил специально для него сработанный кузнецом-маньчжуром метательный нож, с ложбинкой в острие для закапывания туда яда. Вот и сейчас он тоже воспользовался металлической ампулой, которая всегда хранилась в кармашке чехла.

Но, даже приводя себя в боевое состояние, ротмистр время от времени внимательно осматривал гребень распадка, из-за которого в любую минуту могли появиться или пограничники, или солдаты истребительного батальона. Время тянулось с убийственной медлительностью. Поудобнее уложив карабин на плоскую грань камня, чтобы был под рукой, Ярослав еще раз прошелся взглядом по изорванному холодными ветрами холмистому перевалу и прислушался. Вроде бы все тихо, подозрительно тихо, но уходить все же можно, тем более что задерживаться здесь становилось крайне опасно. Но именно это ощущение опасности подбадривало его.

В том-то и дело, что просто так взять и уйти ему не хотелось. Без стычки, без риска, уйти за кордон – это не для него.

2

Скорцени уже намерен был покинуть свой кабинет, когда вдруг ожил аппарат внутренней связи Главного управления имперской безопасности³.

– Здесь Кальтенбруннер, – услышал он в трубке хриловатый, «чавкающий» голос начальника РСХА. – Фюрер интересуется, есть ли у нас диверсанты с опытом работы на Дальнем Востоке, в частности, в Маньчжурии.

Скорцени задумчиво взглянул в затянутое металлической сеткой, слабо освещенное предзакатными лучами окно. Он провел в кабинете весь свой рабочий день, с самого утра, и теперь с тоской подумал, что, очевидно, ночь тоже придется встретить в опостылевшем кресле. В жизни обер-диверсанта рейха такие дни случались нечасто, но если уж случались, то все нутро его бунтовало против подобного сидения и буквально взрывалось: «Я, дьявол меня расстреляй, диверсант! Именно диверсант, а не конторский служащий!».

– До сих пор мне не приходилось заниматься подготовкой операций в этом районе мира, господин обергруппенфюрер⁴, – холодно уведомил Скорцени.

– Плохо, – проворчал шеф имперской безопасности. – Будем считать это нашим общим упущением.

– Я так понимаю, что это упущение Канариса и Шелленберга, которые призваны были заниматься внешней разведкой. К тому же в той части мира активно действовала наша союзница, Япония.

– Видите ли, Скорцени, я не могу позволить себе отвечать фюреру с той же беззаботностью в голосе, с какой отвечаете вы. – Обер-диверсант знал, что фюрера больше раздражала невнятность, с которой вечно страдающий зубной гнилью Эрнст Кальтенбруннер произносил слова, нежели мнимая беззаботность в его голосе, однако сейчас это особой роли не играло.

– И чем же вызван интерес фюрера к Маньчжурии? – спросил он, пытаясь придать своему вопросу нотки столь любимой обергруппенфюрером озабоченности.

– Этого он не объяснил. – «Потому и не объяснил, что ты не решился уточнить», – мысленно упрекнул его Скорцени. – Но предполагаю, что фюрер недоволен демонстративной сдержанностью Японии в этом районе. На недавнем совещании он так и выразился: “Демонстративной сдержанностью, позволяющей русским безболезненно оголять свои дальневосточные тылы, перебрасывая на западный фронт свои резервы”».

– То есть серией каких-то крупных диверсий фюрер хотел бы поджечь советско-маньчжурскую границу, заставив Японию втянуться в боевые действия.

– Если он действительно примет такое решение, вам, Скорцени, придется срочно обзавестись самурайским мечом, а главное, вызубрить кодекс самурая.

– Причем зубрить придется по старинным японским текстам, по иероглифам, – поддержал его мрачную шутку обер-диверсант. Никакого желания познавать сейчас эту часть мира у него не возникало, но что поделаешь?

– Советую обратиться к оберштурмфюреру фон Норгену из восточного сектора внешней разведки СД, который немного владеет китайским, а главное, продолжает опекать кое-кого из посольства Маньчжоу-Го. Я уже вызывал его к себе. Норген считает, что ставку следует делать не на японцев, а на русских белогвардейцев, на которых здесь, в рейхе, опирается рус-

³ Начальника Главного управления имперской безопасности еще именовали начальником полиции безопасности и службы безопасности (СД). Обычно это Главное управление обозначают переводной с немецкого аббревиатурой РСХА.

⁴ Обергруппенфюрер СС – генерал-полковник войск СС. Самым высоким чином войск СС обладал командующий этими войсками рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер.

ский генерал Краснов. К слову, выяснилось, что в Маньчжурии этими белоказаками командует генерал-лейтенант Семенов.

– Я побеседую с фон Норгеном, – заверил обер-диверсант своего шефа, но в тот момент, когда казалось, что разговор уже был завершен, Кальтенбруннер вдруг произнес:

– Кстати, известно ли вам, что в свое время, по приказу Гиммлера, адмирал Канарис готовил специальный отряд разведчиков, набранных из кадетов школы СС, для совместной работы с японской разведкой?⁵

– Впервые слышу о таких кадетях, обергруппенфюрер.

– Сам только что вспомнил. Как вспомнил и то, что заниматься этими японо-кадетами рейхсфюрер СС поручил Шелленбергу.

– Уверен, что Шелленберг не откажет мне в аудиенции.

– Кроме всего прочего, вы теперь у нас – герой нации и личный агент фюрера по особым поручениям⁶, – даже не пытался скрыть своей зависти Кальтенбруннер. – Не так уж и много найдется у нас генералов СС, которые не пожелали бы пожать руку, которую трепетно жали не только Гиммлер и Геринг, но и сам фюрера.

– Как вы знаете, я этим доверием не злоупотребляю, – заверил Скорцени шефа своим камнедробильным басом.

– Подтверждаю, – не стал развивать эту тему Кальтенбруннер, который одним из первых и, возможно, наиболее трепетно, пожал руку «освободителю великого дуче», и уж точно, первым назвал его «обер-диверсантом рейха». Опасаясь при этом, что фюрер легко может сместить его с должности, чтобы назначить начальником РСХА этого исполосованного шрамами «красавца», в течение одного дня сумевшего добыть себе всемирную славу лучшего из германских диверсантов. – Однако вернемся к делам маньчжурским. Начинать, судя по всему, следует с поиска следов группы японо-кадетов. Уж не знаю, чем там завершилась их подготовка, но, в свете указаний фюрера, это обстоятельство очень важно для вас, Скорцени.

– Не исключено, что фон Норген как раз и возник из числа этих самых... японо-кадетов? – выражение очень понравилось обер-диверсанту.

– Думаю, что прояснить этот вопрос будет несложно.

Положив трубку, Скорцени вернулся на свое место за столом и несколько минут просидел, подперев сомкнутыми кулаками подбородок. Он понимал, что предстоит зарываться в огромный маньчжуро-японский пласт агентуры, пласт современной и исторической информации; как понимал и то, что трудно готовиться к «походу на восток», не имея никакого представления о конечной цели похода.

– Родль, – молвил Скорцени, когда в кабинете появился его адъютант, – вам известен такой сотрудник СД – фон Норген? Оберштурмфюрер фон Норген.

– В какой-то степени. Знаю, что служит в шестом управлении, то есть в зарубежной разведке; что происходит из швабских дворян и увлекается всевозможными восточными ритуалами.

– Да вы – неисчерпаемый клад знаний, Родль! Завтра, к одиннадцати утра, этот швабский самурай должен быть у меня, со всеми материалами, которые у него имеются по группе кадетов школы СС, которых готовили для работы в Маньчжурии, по посольству Маньчжоу-Го, японской агентуре и русской белоказачьей эмиграции во главе с генералом Семеновым.

⁵ Исторический факт. Накануне нападения на СССР Гиммлер увлекся вопросами сотрудничества с Японией, поскольку был уверен, что император Хирохито прикажет своим войскам вступить в войну с Россией задолго до того, как германские войска вступят в Москву. Как командующий войсками СС, в чем ведении находилось и РСХА, Гиммлер предпочитал заранее обзавестись надежными кадрами «японо-разведчиков» и диверсантов.

⁶ «Героем нации» штурмбаннфюрера СС Отто Скорцени стали именовать после его операции по освобождению из-под ареста дуче Муссолини. Подробнее об этом – в моем романе «Похищение Муссолини». Тогда же фюрер назначил его и личным агентом по особым поручениям, должность которого, при невысоком чине Скорцени, позволяла ему подчинять себе куда более высоких чинов вермахта и даже СС.

– Это имя не раз всплывало во время вашей встречи с генералом Красновым, – напомнил своему шефу Родль.

– Русские фамилии я запоминаю еще труднее, нежели японские.

– И все же одно из них стоило бы вспомнить, – посоветовал адъютант. – Речь идет о японском военном атташе генерале Комацу⁷. Если прикажете, я готов...

– Подобного приказа не последует до тех пор, пока не прояснится цель наших маньчжурских блужданий.

– Тем более что японцы очень подозрительно относятся к любому проявлению нашей разведкой интереса к Маньчжурии, или к Тибету.

⁷ Японским военным атташе в рейхе действительно был генерал-майор Комацу, зарекомендовавший себя последовательным сторонником германо-японского военного и разведывательного сотрудничества. Комацу поддерживал довольно тесные, доверительные связи с начальником Управления внешней разведки РСХА бригаденфюрером СС Вальтером Шелленбергом.

3

В одной из газетных статей, которые рекомендовал Курбатову для чтения инструктор диверсионной школы «Асано», о бойцах диверсионной группы Скорцени было сказано, что «первый диверсант рейха» подбирал и приближал к себе не только «истинных профессионалов войны, которые умело и храбро делали свое солдатское дело». Нет, он предпочитал идти на задание только с теми, кого считал еще и романтиками... войны, кто сумел воспитать в себе этот дьявольский романтизм.

О статье этой Курбатов вспомнил сейчас не случайно: в свое время она позволила ротмистру взглянуть на себя как бы со стороны, а главное, сформировать в своем представлении идеал солдата, тот идеал – истинного профессионала и романтика войны, к которому он теперь стремился. Именно в этом идеале князь нашел объяснение всему тому «фронтному безумию», как именовал его командир группы Гранчицкий, которое подталкивало его к осуществлению совершенно невероятных поступков. Гранчицкий тоже был лихачом, но осознавал, что его лихачество не может быть подкреплено той силой и яростью, той мощью нервов и тем холодом рассудка, которыми оно подкрепляется у князя Курбатова.

– И все же я видел какого-то человека, – вдруг опять донесся до ротмистра тонкий, почти детский голосок.

– Да ни черта ты, корешок, не видел! – раздраженно парировал ему простуженный и тоже неокрепший баритон. – Показалось, и все тут. Возвращаться надобно.

– А если это диверсант? Что тогда?

– Если диверсант, то давно за кордон ушел. Ты же не собираешься преследовать его до самого Пекина?

– Так ведь могут спросить, товарищ сержант, почему не стреляли, не попытались задержать.

Сержант не ответил; вопрос и в самом деле был не из простых.

«Наконец-то на арене появились достойные противники, – поиграл желваками Курбатов, сжимая в левой руке пистолет, а в правой нож. – Так что принимай бой, гладиатор!».

Преследователи были где-то рядом, за плоской, похожей на изодранный штормами парус, скалой. Как раз в том месте, где узкая, блуждающая между валунами звериная тропа описывала большую дугу, по которой пограничникам или охотникам, – кто бы они там ни были – придется топтать еще минут пять.

– Это мог быть кто-то из промысловиков, – вновь заговорил сержант, смущенный подлостью вопросов своего напарника.

– Не похоже. Я видел его еще вон на той скале, когда вы отстали. Что на ней делать охотнику? Тем более что сюда, под границу, охотники обычно не суются.

– Почему сразу же не предупредил меня, корешок?

– Так ведь надо ж было убедиться.

– Время тебе надо было упустить, корешок. Провинился ты, Колымахов, основательно провинился. Только вздумай после этого докладывать, что я, мол, не проявил бдительности!

– Да при чем тут: докладывать – не докладывать?! Не думал я, что этот бродяга двинется в сторону границы. И потом, пока вы подошли, он уже исчез.

– Вот и пошарь теперь биноклем по склону.

– Зачем по склону, если он где-то здесь, рядом. Я уже нюхом чувствую, что неподалеку окопался.

– Если только тебе не почудилось, корешок, – уже более спокойно, примирительно, попытался завершить этот разговор сержант.

Теперь Курбатов не сомневался, что это – пограничный наряд и что за скалой их только двое. И уж совершенно ясно было, что по ту сторону ущелья, на горе, один из пограничников мог видеть только его. Правда, солдату трудно сейчас поверить, что диверсант сумел так быстро спуститься с горы, переправиться через ручей и снова подняться на возвышенность. Однако поверить все же придется.

Конечно же ротмистру ни на секунду не следовало показываться на плоской оголенной вершине горы. Но если он и совершил такую ошибку, то лишь потому, что на северном скате возвышенности, в небольшой трещине, пришлось хоронить и маскировать тело ротмистра Гранчицкого.

Весь путь к Чите и обратно князь прошел, тая в себе недовольство тем, что полковник Родзаевский назначил старшим группы не его, а ротмистра Гранчицкого, хотя именно он, Курбатов, был заместителем предыдущего командира, подполковника Ульчана. Причем сделал это полковник за день до выступления.

Когда стало ясно, что Ульчану придется лечь в госпиталь, чтобы залечить неожиданно вскрывшуюся рану, Нижегородский Фюрер, как именовали Родзаевского, несколько дней не решался назначать нового командира, хотя никто в группе не сомневался, что им станет Курбатов. Однако Родзаевский, для которого успех этого рейда был не только актом престижа, но и важным аргументом в пользу существования своей школы, остановил выбор на – как он считал – осторожном и основательном ротмистре Гранчицком, служившем к тому же в армии Колчака начальником одного из отделов контрразведки.

Если бы в группе не было Курбатова, Гранчицкий наверняка так и остался бы в памяти всех, кто его знал, осторожным и покладистым. Но в князе он вдруг почувствовал соперника, поэтому с первого же дня «даурского похода» навязал ему борьбу за лидерство. Уступая Курбатову буквально во всем: в силе, ловкости и выносливости, в диверсионной подготовке, а равно в выдержке, меткости и конечно же в родовитости происхождения, – командир вдруг сорвался, его заело, повело. Где только можно было, в пику «казацкому князю» Курбатову, он пытался демонстрировать храбрость и удаль, бессмысленно рискуя при этом собой и людьми...

Впрочем, как бы ни был Курбатов недоволен и решением нижегородского фюрера, и мальчишеским поведением его визави, он честно тащил командира на своей спине, поил и перевязывал его, подбадривал и снова тащил. Не потому, что ценил ротмистра как диверсанта и командира или считал его своим другом, а потому, что так велел долг. Тем более что простоватый, но, при всей своей вспыльчивости, не потерявший задатков порядочности, Гранчицкий оставался последним из отряда, а значит, и последним, кто мог подтвердить, что во время похода он, Курбатов, в самом деле совершал все то, что он... действительно совершал.

Да, Гранчицкий действительно оставался последним, кто мог засвидетельствовать не показную, а настоящую, диверсионную удаль, которую ротмистру Курбатову поневоле приходилось демонстрировать и своим, и врагам. Причем князь не сомневался, что свидетельствовал бы командир по этому поводу предельно честно, не терзаясь ревностью к силе и удачливости соперника. Правда, перед гибелью Гранчицкий признался ему в том, в чем признаваться не должен был. Прежде чем принять в себя «кинжал милосердия», он вдруг сказал:

«А знаешь, князь, плохо, что отношения у нас с тобой как-то сразу не заладились».

«Стоит ли сейчас об этом?» – отмахнулся Курбатов.

«Да, нет, я не в смысле выяснения этих самых отношений... Просто мысль у меня была: сразу же после выполнения задания уйти в Монголию, а оттуда – в Персию».

«В дезертиры решили податься, ротмистр?» – иронично ухмыльнулся Курбатов.

«... Сначала выполнить приказ, а только потом уйти, – уточнил Гранчицкий. – Но только для того уйти, чтобы затем, уже в Германии, присоединиться к частям генерала Краснова⁸, под командованием которого я когда-то начинал свою службу».

«И чем же вас не устраивала служба под знаменами атамана Семенова?».

«К атаману особых претензий не имею. А вот к японцам... Попомните мое слово: досидят они трусливо в своей одичавшей Маньчжурии до тех дней, когда Советы разгромят фюрера, а затем примутся за них. Вот тогда-то и сдадут нас япошки энкаведистам. Всех, под чистую, сдадут, чтобы таким образом от Сталина откупиться. Но я-то офицер, а не жертвенный баран!».

«Порой и меня тоже подобные мысли посещали, – признался Курбатов. – О побеге в Персию и войсках Краснова, правда, не мечтал, тем не менее...».

«Так вот, поначалу у меня возникла идея пригласить в попутчики вас, ротмистр Курбатов. На силу и храбрость вашу решил полагаться. Однако очень скоро понял, что попутчиков из нас с вами не получится».

«Не получилось бы, не стану разуверять вас, Гранчицкий. Тем не менее побеседовать со мной по душам следовало бы. Возможно, тогда и отношения наши складывались бы по-иному».

Вместо ответа командир группы лишь отчаянно, словно пытался изгнать боль свою не только из тела, но из самой души, застонал.

«Только ни Родзаевскому, ни Семенову об исповеди этой моей не сообщайте», – попросил Гранчицкий, чувствуя, что вот-вот потеряет сознание.

«Согласен, ни к чему это».

«Чтобы еще чего доброго не подумали, что я специально группу погубил, – каждое последующее слово он произносил с таким трудом, словно выдыхал его с остатками жизни. – Я ведь не от фронта бежать хотел, а, наоборот, на фронт. Какое уж тут дезертирство? Потому и прошу вас о снисхождении...»

«Слово чести, что никто о нашем разговоре не узнает, – заверил его Курбатов. – Все останется сугубо между нами».

«В таком случае будем считать, что исповедь моя состоялась. А теперь окажите милость, князь, одарите меня “кинжалом милосердия”, чтобы и от мучений избавить, и коммунистам не сдать».

Прервав поток воспоминаний, Курбатов присел под выступ валуна и вновь прислушался к тому, что происходит за скалой.

– Ну что ты все высматриваешь и высматриваешь? – кончилось тем временем терпение у сержанта-пограничника, уже раскаивавшегося в том, что передал бинокль рядовому. – И так понятно, что никакого дьявола там нет.

– Неужели ж показалось?! Быть такого не может!

– А раз теперь там никого нет, то будем считать, что и не было. Понял, Колымахов? Возвращай бинокль и наслаждайся видами природы своими двумя.

– Что я должен понять, товарищ сержант? – убивал Колымахов своей дотошностью уже не только сержанта, но и Курбатова. – Что-то я вас не понимаю.

– А то, что если уж тебе сказано, что никакого диверсанта не было, значит, и не было, – начальственным тоном проговорил сержант. – Показалось, и все тут. Видишь, вон там, у вершины, сухое дерево? Вот его ты как раз и принял за диверсанта. Поэтому докладывать старшему лейтенанту не о чем.

⁸ Генерал-лейтенант Петр Краснов. Командир 3-го корпуса, а затем главнокомандующий войсками Временного правительства, противостоявшими большевикам. Атаман Всевеликого войска Донского в период Гражданской войны, и начальник Главного управления казачьих войск – при гитлеровском Министерстве восточных областей, возглавляемом Розенбергом. Является автором нескольких романов о белогвардейском движении, а также книг, путевых заметок и эссе. В 1947 г. повешен в Москве по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

– Не вижу я там никакого дерева, – огрызнулся Колымахов. – Зато знаю, что вы – командир отделения, а значит, вам виднее: что с биноклем, что без него.

– Расторопный ты мужик, Колымаха. Мудрый и скользкий, как полублезлый змей.

– Идти нам надо, товарищ сержант. Вечереет уже, а нам еще назад, к заставе, топать вон сколько.

– Относительно «идти», – с этим я, корешок, согласен. И не бойсь, успеем, дотопаем. Только впереди, вон, – Тигровая падь, поэтому молчи и зырь в оба.

Пограничники затихли и на какое-то время как бы исчезли. Однако воцарившаяся тишина лишь заставила Курбатова предельно напрячь слух. Когда послышалось, как на изгибе тропы прошуршал, слетая вниз, камешек, ротмистр попробовал переметнуться за выступ скалы, но оказалось, что, привалившись к лиственнице, он неосторожно протиснул плечо в просвет между стволами. Обнаружил Ярослав эту западню только тогда, когда почувствовал, что оказался зажатым ими.

Курбатов уперся рукой в один из стволов, отогнул его так, что где-то у основания послышался треск, и, освободившись, со злостью упрекнул себя: «Что ж ты так, по-идиотски, подставляешь себя?! Окажись ты послабее, взяли бы тебя красные кордонники, словно волка в капкане!».

* * *

Освободиться Курбатов успел как раз к тому моменту, когда в просвете между скалами мелькнула фуражка одного из пограничников. И единственное, что успел ротмистр, так это переступить через шлемоподобное острие камня и вжаться в расщелину за выступом скалы.

Сержант покряхтел, стоя у выступа, однако зайти за скалу так и не решился. Еще несколько мгновений, и шаги его послышались по ту сторону камня, где начиналась небольшая, покрытая альпийской травой ложбина. Но... сержант-то ушел, а вот дотошный рядовой Колымаха задержался.

– Слышь, старшой, – проговорил он, – комзаставы сказывал, что распадок этот стеной замуруют и минами обставят. Знающие люди говорили, будто в прошлом году здесь восемь групп нарушителей всяких, в основном контрабандистов, задержали-постреляли.

– Да пусть хоть весь кордон замуровывают, – отмахнулся от него сержант.

«Из новичков, потому и болтливы, как базарные бабы», – презрительно ухмыльнулся Курбатов, сжимая в руке нож.

– Эй, товарищ сержант, гляньте-ка!

Услышав этот возглас Колымахи, ротмистр мельком бросил взгляд на лиственницу и инстинктивно отшатнулся от скалы. На камне, у сдвоенных стволов, лежал его короткий кавалерийский карабин. Курбатов попросту забыл его! Невероятно, но, больше привычный к пистолету, ротмистр действительно забыл о том, что добирался сюда с карабином за спиной!

Колымаха еще дважды негромко окликнул сержанта, однако тот, то ли не расслышал его, то ли не желал реагировать на болтливость рядового, но так и не отозвался.

– Так ведь стрельвка здесь чья-то! – возмутила рядового бесшабашность командира наряда. Сейчас он наверняка заметил бы Курбатова, если бы только взгляд его не был прикован к этому злосчастному карабину, брошенному кем-то у самой тропы, а словно бы сброшенному Всевышним откуда-то с неба.

Увидев плечо приземистого, худошавого солдата, ротмистр Курбатов, этот почти двухметрового роста медведеподобный увалень, неслышно ступил ему за спину и не просто закрыл ладонью рот, а с такой силой впился пальцами ему в щеки, что почувствовал, как затрещали челюсти. И кинжал в грудь вводил с такой лютю, что, пронзив ее, чуть было не достал лезвием собственного ватника.

Вытерев кинжал о шинель убитого, Курбатов плавно опустил тело на землю и снова метнулся к скале. Теперь можно было уходить, но именно сейчас уходить Курбатову не хотелось. Встреча с командиром наряда обещала еще несколько минут риска, так мог ли ротмистр отказать себе в них?!

– Агов, Колымаха! – позвал возвратившийся с полпути сержант. – Уж не в Маньчжурию ли бежать ты настроился?!

– В Маньчжурию, куда же еще? – спокойно ответил Курбатов, как только из-за скалы выглянул ствол красноармейского автомата.

Приземистый пограничник вздрогнул и долго, очень долго поднимал голову вверх, пока где-то там, на высоте двух метров, не увидел непроницаемое, цвета полуобожженного кирпича, суровое лицо. И это последнее, что ему суждено было увидеть. Мощным ударом левой ротмистр выбил из его рук оружие, а правой тотчас же припечатал затылок к ребристому выступу скалы, потом еще и еще раз.

Сержант еще был в сознании, когда Курбатов приподнял его и почти на вытянутых руках перенес к лиственнице.

– Кто ты? – в ужасе спросил этот низкорослый коренастый парнишка, глядя на облаченного в красноармейскую форму Курбатова расширенными, помутневшими глазами.

– Смерть твоя. Гнев Божий. Когда даурцы узнают о твоей гибели, распятие Христа покажется им сатанинскими шалостями.

Вновь оглушив сержанта, ротмистр забрал у него документы и взвалил себе на плечо. Упершись плечом в один из стволов, он ногой оттянул другой, а затем, сорвав пограничника с плеча, буквально вогнал его тело в образовавшийся просвет.

Курбатов уже преодолел почти весь распадок, а вслед ему все доносился и доносился душераздирающий вопль раздавливаемого человека. И не было никого в этом мире, кто бы спас его или хотя бы милосердно помог умереть.

4

Ничего общего с типом людей, которым суждено проводить лучшие годы своей жизни в архивных хранилищах, у барона фон Норгена не наблюдалось. Перед Скорцени предстал рослый тридцатилетний блондин, со вздернутыми костлявыми плечами и несоразмерно большой, по-гренадерски выпяченной грудью. Окинув взглядом его фигуру, обер-диверсант сразу же определил, что в свое время барон пренебрег наращиванием мышц, которых ему теперь явно не хватало, тем не менее вид у него молодцеватый. Вот только лицо его казалось не по-мужски округленным, приобретавшим библейно-ангельский вид. И просматривалось в этом личике нечто отталкивающе херувимское.

– Вам известно, барон, в связи с чем вы приглашены сюда?

– Из всего того сумбура, который умудрился выплеснуть ваш адъютант, я заключил, что вас, господин штурмбаннфюрер, интересуют: «Маньчжурский отряд» Гиммлера, а также отношения между командованием Квантунской армии и правительством Маньчжоу-Го. И еще состояние диверсионной подготовки в дальневосточной русской армии генерала Семенова, – голосом смертельно уставшего и ко всему в этом мире безразличного человека доложил фон Норген.

– Вы сформулировали пункты моей заинтересованности значительно четче, нежели способен был сформулировать я сам, – сознался Скорцени, предложив барону кресло у приставного столика. Садитесь и излагайте – кратко и предельно ясно.

Барон опустил в кресло с таким облегчением, словно намерен был тотчас же погрузиться в глубокий сон, однако вовремя спохватился и извлек из папки листик бумаги и наполненный фотоснимками конверт.

– Здесь список тех шести воинов СС, бывших кадетов, которые, как мне известно, все еще живы. Всего же нас было сорок. Остальные – кто погиб, кто в плену; несколько бывших курсантов получили тяжелые ранения и в дальнейшем непригодны... Кроме разведывательно-диверсионной и общефизической мы также получали начальную языковую подготовку, изучали историю Китая и Маньчжурии, их традиции и современное государственное устройство. К тому же каждый из нас уже владел определенными основами всех этих дисциплин, поскольку они были обязательным условием зачисления в группу.

Скорцени прошелся взглядом по списку: оберштурмфюрер Норген, гауптштурмфюрер Зарински, унтерштурмфюрер Штомберг.

– Почему этот Штомберг всего лишь унтерштурмфюрер? – прервал он чтение.

– Многие в группе к моменту обучения не были офицерами СС. И еще – из этой группы все, кроме меня, побывали на фронте.

– Мужественное признание, – нервно поиграл изуродованной щекой Скорцени. – Однако это не скажется на отношении к вам, барон. Вы нужны нам как специалист. Оберштурмфюрер Шольз, гауптштурмфюрер Рейнер, штурмбаннфюрер Анскен, – завершил он чтение списка уже вслух. О планах фюрера относительно создания отряда «японо-диверсантов», которые бы действовали на маньчжурской границе совместно с белыми русскими и японцами, вы уведомлены. Станет ли вновь созданный отряд сугубо диверсионным или же составит основу экспедиционной группы «Шамбала», – пока неизвестно. Все будет так, как решат обстоятельства и фюрер.

– Но позволю себе заметить, что бывшие командующие Квантунской армией генерал Уэда и генерал Хондзю были решительно против и того, чтобы германская разведывательно-диверсионная служба свободно разгулиwała по Маньчжурии, и того, чтобы его армия

ввязывалась в германо-русскую войну. По крайней мере до той поры, когда падет Москва⁹. Причем их активно поддерживали в этом вопросе начальник континентальной разведки Доихара Кендзи, которого считают «японским Лоуренсом», и начальник полиции армии генерал Тодзио.

– Ну, мнение начальника полиции...

Барон изобразил на своем ангельском личике снисходительное удивление и тоном школьного учителя произнес:

– Да ведь дело не только в том, что в свое время он курировал квантунскую и маньчжурскую контрразведки. Но и в том, что теперь генерал Тодзио, обладатель высшей японской награды – ордена Восходящего Солнца, является очень влиятельным при императорском дворе военным министром Японии и личным другом премьер-министра страны, принца Фузимаро Коноэ, – выложил он из конверта фотографии японской элиты.

– Согласен, что это уже меняет отношение к нему.

– Кстати, Тодзио возглавляет корпус наиболее воинственных генералов, требующих от императора и правительства дальнейших завоеваний в Азии. Что же касается Доихара, то напомним, что это он, еще будучи полковником разведки, похитил последнего китайского императора династии Цинь, юного Генри Пу-и, из Тяньцзина и доставил в Японию, после чего тот стал императором Маньчжурии. Отсюда и влияние «японского Лоуренса» при маньчжурском императорском дворе.

Скорцени с большим трудом подавил в себе желание выставить этого всезнающего «херувимчика» за дверь, но, поскольку он всегда с большим почитанием относился ко всякому истинному специалисту своего дела, то, как можно вежливее, в совершенно несвойственной ему великосветской манере произнес:

– Вы окажете мне любезность, барон, если назовете еще и фамилию нынешнего командующего этой самой Квантунской армией.

– Генерал Умедзу. Типичный самурай. Как политик он значительно уступает своему предшественнику Уэда, который чувствовал себя полновластным правителем Маньчжурии и всего Северо-Западного Китая, зато еще более упрямый и несговорчивый.

– То есть я обязан доложить фюреру, что вы, барон, решительно против создания Маньчжурского диверсионного отряда? – саркастически ухмыльнулся Скорцени.

– Более аргументированно против его создания будет высказываться бывший военный атташе, а ныне – германский посол в Японии генерал-майор Эйген Отт, с которым я состою в родстве и с которым постоянно консультируюсь, – окончательно добил его барон. – И еще одна деталь: нынешний начальник полиции Квантунской армии генерал Ходзимото является настоятелем всех синтоистских общин Маньчжурии.

– То есть настоятелем всего местного масонства?

– ...В архивах которого хранится немало тайных сведений, касающихся Шамбалы, высших посвященных, связей с космосом, «солнечных дисков»¹⁰ и всего прочего. Именно здесь по-настоящему чтут завет божественного настоятеля японцев Ямато, иероглифично выраженный в формуле древнеяпонского императора Дзимму – «Хакко Итио». Что означает: «Накроем весь мир одной крышей и сделаем своим домом». В древнейшей японской летописи «Ниппон-секи» так и записано. В то время как об амбициях Третьего рейха там ни слова.

Скорцени уперся кулаками в поверхность стола и с минуту задумчиво смотрел куда-то мимо фон Норгена. Он понимал, что барон прав: слишком поздно и бессмысленно затевать сейчас диверсионные игры в Маньчжурии, особенно если японцы против германского присут-

⁹ Исторический факт: именно таковой была позиция квантунских командармов Уэда и Хондзио. Здесь называются настоящие имена японских военно-политических деятелей.

¹⁰ Так до 50-х годов XX века именовались «летающие тарелки».

ствия в этой стране. Куда разумнее было бы готовиться к экспедиции в Шамбалу, при подготовке к которой японцы окажутся более сговорчивыми.

– Будем считать, что у нас общий взгляд на эту проблему, барон, – наконец произнес он. – Подготовьте от моего имени бумаги, которые позволили бы в течение недели собрать указанных здесь офицеров в известном вам замке Фриденталь, на Курсах особого назначения. Отряд по-прежнему будет называться «Маньчжурским», но теперь уже в целях конспирации. На самом деле – пополненный, международный и хорошо подготовленный, он осуществит «деловой визит» в Шамбалу. До прибытия князя Курбатова старшим этой группы назначаетесь вы, барон.

– Слушаюсь и повинуюсь, господин штурмбаннфюрер, – взбодренно щелкнул каблуками фон Норген.

5

– Что с группой, которую вы послали к Чите, полковник? – поинтересовался атаман Семенов, прежде чем успел предложить Родзаевскому кресло. – Помнится, мы возлагали на нее не меньше надежд, чем японцы – на всю Квантунскую армию.

Было что-то демоническое в облике полковника: худощавое нервное лицо с утонченными, но почему-то совершенно не красившими его чертами; тонкие бескровные губы, красные воспаленные глаза, султан редких седых волос, едва прикрывавших два ожоговых шрама.

– Мои оценки группы намного сдержаннее, – покрылся бледными пятнами Родзаевский, болезненно воспринимавший любые попытки иносказания, малейшее стремление свести разговор к шутке или подковырке. Всего этого он просто-напросто не воспринимал, да и терпеть не мог. – Хотя, не скрою, группу ротмистра Гранчицкого считаю лучшей из всего, что только можно было составить из нынешних курсантов.

– И что в результате?

Только сейчас полковник сел, достал из золоченого портсигара гавайскую сигару, внимательно осмотрел ее, словно выискивал признаки, по которым можно определить, отравлена ли она, и лишь после этого, испросив у генерала разрешения, закурил, с удовольствием, артистично вдыхая в себя горьковато-ароматный дым. Семенов уже знал, что это были особые, немисливо ароматизированные сигары, которыми в Харбине наслаждался, очевидно, только Родзаевский, и генерал уже в который раз с трудом воздержался от того, чтобы попросить у него закурить. Сам полковник этих сигар никому и никогда не предлагал. Даже атаману. Для угощений он обычно держал в запасе другой портсигар, с папиросами, набитыми тухловатым маньчжурским табаком.

– Из всей группы вернулся только один человек. Час назад я беседовал с ним. Убедился, что его информация в основном совпадает с данными, полученными от агентов.

– Только один из всей группы?! Что ж это за подготовка такая? Мы что, готовим своих диверсантов для одного рейда?

– Следует учесть, господин генерал-лейтенант, что группа свинцово «прошла» по всему Забайкалью, и при этом вела себя отлично, задание в основном выполнила. Если бы не излишний риск, которому чуть ли не каждый день подвергал ее ротмистр Гранчицкий, таких потерь не было бы. Да, Гранчицкий, с его маниакальной потребностью красоваться на виду у врага и под его пулями, о чем дважды с осуждением сообщал радист группы. Для лихача-окопника это еще кое-как приемлемо, но только не для командира диверсионной группы, действующей в тылу врага. Причем его поведение оказалось совершенно неожиданным для меня. Потому что лично я знал его как человека, хотя и храброго, тем не менее крайне осторожного и осмотрительного.

Генерал-лейтенант Семенов поднялся и неспешно, вразвалочку, прошелся по кабинету.

Наблюдая за ним, Родзаевский уже в который раз поймал себя на мысли, что в этом генерале действительно нет ничего генеральского. Казачий батенька-атаман – еще куда ни шло, но строевой генерал!.. И дело не в том, что сам он, Родзаевский, все никак не мог дослужиться до генеральских погон, то есть не в зависти. Просто он всегда очень щепетильно относился к соответствию чина, титула и даже положения в обществе того или иного человека – с его фигурой, выправкой и внешностью. И никакие заслуги, никакая родословная, никакие подвиги не могли смирить его с человеком, в отношении которого «нижегородский фюрер» однажды – то ли вслух, то ли про себя – не изрек бы чего-то вроде: «И этот человек позволяет себе носить генеральские эполеты?!» или «Он еще смеет называть себя бароном?!».

Что же касается генерала Семенова, то вряд ли кто-либо другой из белого генералитета давал фюреру Российского фашистского союза столько поводов для подобных восклицаний.

Это был широкоплечий, коренастый человек, со скуластым, но в то же время худощаво-обветренным лицом, на котором, в обрамлении плавных славянских черт, явно проступали резкие монгольские штрихи. Те самые, что так близко роднили Семенова с великим множеством его земляков, казаков-забайкальцев, чьи предки, осев здесь еще со времен казачьего исхода из разрушенной Запорожской Сечи, успели за несколько поколений не только основательно обрусеть, но и порядочно «обязиатиться»... Во внешнем облике генерала, в его грубоватых, неинтеллигентных манерах, действительно было мало такого, что напоминало бы о его потомственной белой офицерской кости, зато было много того, что выдавало в нем этнического бурята.

И если полковник Родзаевский, очень ревниво относившийся к расовой чистоте и голубизне офицерской крови, все же искренне уважал Семенова, то лишь потому, что видел в нем не строевого русского генерала, а талантливого казачьего атамана. Он потому и не воспринимал главнокомандующего здесь, в его кабинете, что знал, как бесподобно перевоплощается этот человек, оказываясь в казачьем кругу, в седле, скомандовав такое милой его душе: «Сабли наголо!».

– Посылать во главе диверсионной группы человека крайне осторожного и осмотрительного? – по-азиатски сморщил обожженное ледяными байкальскими ветрами лицо атаман Семенов, возвращаясь к своему креслу. – Ну вы, полковник, оригинал!..

– Не такой уж оригинал, если учесть, что все сказанное следует воспринимать применительно к командиру диверсионного отряда.

– Тогда что следует понимать под термином «излишний риск»? Пусть даже и применительно к командиру диверсионного отряда. Это какой такой риск, по диверсионным понятиям, следует считать излишним?!

«Не складывается у нас разговор» – с волнением отметил Родзаевский, пригашивая сигару и краем глаза следя за выражением лица главнокомандующего. Почему не складывается, под какие такие выводы генерал-атамана не складывается, – этого полковник понять пока не мог.

– Вы задали трудный, я бы даже сказал, философский вопрос. Но если позволите...

– Кто этот вернувшийся? – резко перебил его Семенов. – Кто таков?

– Ротмистр Курбатов.

– Кажется, припоминаю. Богатырский рост, медвежья сила.

– К тому же, по-славянски, а может, и по-арийски, златокудрый, как бог. И кличка Легионер.

– Ну, кличку он мог бы придумать повнушительнее, – проворчал генерал-атаман.

– Почему же? – вальяжно возразил Родзаевский. – Легионер... В Европе это звучит. Кстати, Курбатов сам избрал ее. Историей Древнего Рима увлекается, а посему любимое, можно сказать, словечко.

Семенов сделал несколько глотков рисовой водки, к которой уже давно пристрастился из-за ее слабости: вроде бы зря не сидишь, пьешь, а не хмелеешь, и долго подкручивал пышные, по-казачьи неухоженные усы.

– А то, что римлянин ваш, в соболях-алмазах, только один из всей группы вернулся – никаких сомнений не вызывает? – недоверчиво сощурился атаман.

– На предмет того, что красные могли его перевербовать? Исключается. Почти исключается. Во всяком случае, никаких оснований не верить ему у моего собственного СД пока что нет.

– У кого?! – не понял генерал-атаман.

– Я сказал: «У моего СД». Так у германцев называется внутренняя служба безопасности войск СС. Так вот, никаких оснований подозревать его у моих службистов пока что нет. Курбатов сообщил, что последним погиб ротмистр Гранчицкий, уже у самого кордона. Легионер тащил его на себе, сколько мог.

– Это он так заявил: «Ташил, до самого кордона...». А что было на самом деле, этого мы не знаем. Не исключено, что ваш Легионер сам вверг себя в одиночество. Мол, один вернулся – одному и слава.

Родзаевский хотел было довольно резко возразить, но вовремя придержал язык. Подозрительность атамана была общеизвестной. Он способен был душу вымотать, выспрашивая по поводу какого-либо, порой совершенно незначительного, события, добывая все новые и новые подтверждения правильности своих подозрений.

– Но других сведений не поступало, да и вряд ли поступят, – как можно вежливее заметил полковник, понимая, что его заверения показались Семенову неубедительными.

Странная вещь: еще несколько минут назад полковник сам готов был заподозрить, что Курбатов умышленно сделал все возможное, дабы вернуться без Гранчицкого. Родзаевский знал, сколь честолюбив этот отпрыск казачье-княжеского рода Курбатовых. Но сейчас Родзаевский забыл о своих подозрениях и готов был отстаивать парня хоть перед всем генералитетом армии, как, впрочем, и перед японской контрразведкой.

– Кроме того, у меня, извините, нет оснований не верить этому офицеру. Сила и звериная лютость, слава богу, не лишили его обычной человеческой порядочности, что у людей нашей профессии ценится не меньше, нежели в коммерции.

– Сравненьице у вас, однако, – брезгливо поморщился Семенов. – Я так понимаю, что вы готовы верить ему на слово, – все ближе и ближе наклонялся атаман к полковнику, размеренно постукивая по столу ножкой рюмки. – Всему, что он, единственный из группы оставшийся в живых, и даже не раненый, рассказывает об этом походе...

– Я не могу посылать людей за кордон для диверсий, не веря им, как самому себе, – внутренне вспыхнул Родзаевский. – И потом, не забывают, господин атаман, что в Совдепию он уходил по рекомендации руководства «Российского фашистского союза»¹¹, до сих пор еще ни разу не запятнавшего себя трусостью или изменой своих воинов.

– Я так понимаю, что следующую группу вы собираетесь посылать в Россию уже под началом ротмистра Курбатова?

– Во всяком случае, японцы требуют, чтобы мы активизировали разведывательно-диверсионную работу в Забайкалье и на Дальнем Востоке.

– Но если окажется, что и эту группу Курбатов сдаст красным, а сам вернется, чтобы рассказывать вам байки, – всенепременно вздерну обоих, на одной перекладине!

– Еще раз повторяю, господин генерал: лично у меня нет оснований сомневаться в правдивости рассказа ротмистра, – мгновенно побледнел Родзаевский, чувствуя себя предельно оскорбленным. Полковник никогда не спорил, вообще старался не вступать в полемику. Однако Семенов хорошо знал, что если у него побледнела переносица, значит, самолюбие «нижегородского фюрера» вспахано до наивысшего предела. Впрочем, Семенова его реакция еще ни разу не охлаждала, скорее наоборот...

– Это у вас, полковник, нет оснований, да у вашего вшивого СД, – самодовольно ухмыльнулся и откинулся на спинку кресла Семенов. – А у меня, любезнейший, имеются.

Теперь затылок его покоился на бархатном подголовнике, между двумя большеголовыми, вырезанными из красного дерева драконами.

«По соседству с этими тварями он и сам кажется такой же тварью, – съязвил про себя Родзаевский, недолюбливавший атамана уже хотя бы за то, что тот на дух не переносил про-

¹¹ «Российский фашистский союз» организован был в 30-е годы в Маньчжурии, в основном из молодых офицеров армии атамана Г. Семенова. Фюрером русских фашистов был полковник К. Родзаевский, большой поклонник Сталина, считавший коммунистический и фашистский режимы в сущности своей тождественными. После войны добровольно, под гарантию неприкосновенности, данную ему НКВД, прибыл в СССР с намерением провести переговоры со Сталиным. Прямо на границе был арестован и в 1946 году расстрелян.

пагандируемую им, полковником, фашистскую идеологию. – Кстати, всегда садится только в это кресло, очевидно, чувствуя себя в нем чуть ли не повелителем Поднебесной».

– Возможно, я и соглашусь с вами, господин генерал. Но не раньше, чем стану обладателем хотя бы одного неопровержимого факта измены князя Курбатова. Так что вы уж извините.

– Если по правде, у меня фактов тоже пока что нет, есть только сомнения, – продолжал по-драконьи улыбаться атаман. – Хотя то, что вернулся всего лишь один, не получив, как я понял, ни малейшей царапины...

– Простите, господин генерал, но Курбатов и не сообщает ничего такого, что требовало бы нашего с вами особого доверия. Он всего лишь вернулся с опасного рейда по большевистским тылам, идти в который набиралось не так уж много охочих. Представ передо мной, Курбатов доложил: «Вернулся. Задание выполнил. Группа погибла. Вот письменный рапорт о боях, диверсионных операциях и потерях». И все. Никакого бахвальства. Рапорт скупой и, как я понимаю, написанный рукой человека, которому безразлично, как будут оценены его личные заслуги. Это истинный, прирожденный, если хотите, диверсант.

Какое-то время главнокомандующий иронично всматривался в лицо «русского фюрера». Однако настаивать на своих сомнениях уже не решался.

– Убедили, полковник, убедили. Но лишь потому, что мне самому хотелось, чтобы вы сумели убедить меня. Вам придется завтра же направить этого ротмистра ко мне.

– Можно и завтра. Но в данную минуту он ждет вашего приглашения во дворе. Я прихватил его на всякий случай, в роли телохранителя. Прикажете своему адъютанту позвать?

– Если он здесь, это меняет дело. Это совершенно меняет дело, полковник. – Атаман прикрыл глаза и надолго задумался. Его поведение уже начинало интриговать Родзаевского. – Но прежде чем Курбатов предстанет перед нами, я хотел бы объяснить, почему вдруг засомневался в этом офицере. Потому что с сего дня мне хочется доверять ему больше, чем кому бы то ни было. – Семенов выжидающе взглянул на «нижегородского фюрера», но тот предпочитал выслушивать генерала, не задавая никаких наводящих вопросов. – Вот почему я еще раз позволю себе спросить: вы, наш фюрер, действительно всегда и во всем можете положиться на этого ротмистра?

– Я бы согрешил против Бога и истины, если бы стал утверждать, что он чист и безгрешен, аки апостол Павел после исповеди. Но теперь уже должен признаться, что хорошо знал его отца, есаула князя Курбата.

– Курбата? Так этот ваш ротмистр – сын Курбата?! – удивленно воскликнул Семенов.

– Вот в этом уже, господин генерал, сомневаться не стоит.

– Да я прекрасно знал этого есаула. В январе восемнадцатого он командовал сотней в отряде, с которым я вышел из Китая на станции Маньчжурия, чтобы пройти рейдом по Стране Даурии. Курбат этот был человек-зверь. Я дважды лично видел красных, которых он в пылу боя разрубил от плеча до седла. Однажды, оставшись без сабли, он выдернул из стремян какого-то красноперого сосунка и, захватив за грудь и ремень, несколько минут отражал им удары, словно щитом.

– А под станицей Храповской, – поддержал его повествование нижегородский фюрер, – Курбат выбрался из-под своего убитого коня и, поднырнув под жеребца красного партизана, поднял его вместе со всадником. Все сражавшиеся вокруг него на несколько мгновений прекратили схватку и очумело смотрели, как этот казарлюга, пройдя несколько шагов с конем на спине, бросил его оземь вместе со всадником.

– Вот как? Об этом случае я не знал. Верится, правда, тоже с трудом.

– Ничего удивительного. Когда слушаешь рассказы о Курбате, трудно понять, где правда, а где вымысел. Но смею заверить вас, атаман, что эту сцену я наблюдал лично. И еще могу засвидетельствовать, что по силе и храбрости сын значительно превзошел отца. В свои двадцать три это уже проверенный в боях, испытанный походами воин.

– Получается, что родился он уже здесь, в Маньчжурии?

– Нет, еще за Амуром. Отец взял с собой двух станичников и перешел границу, чтобы увести жену и сына. Случилось так, что в перестрелке жену и одного станичника убили, отца тяжело ранили. Но сын вместе с другим станичиком сумел отбить его и донести до ближайшего маньчжурского села, где он и скончался.

– Вот видишь, полковник, об этом я тоже не знал, – с грустью констатировал атаман. – Много их, есаулов, ротмистров, сотников да подпоручиков полегло на моей памяти. – И словно то, что отец ротмистра, есаул Курбат, погиб после тяжелого ранения при переходе границы, придало веры в его сына, приказал:

– Адьютант, ротмистра Курбата ко мне!

– Теперь уже Курбатова, – вежливо уточнил Родзаевский.

– С какой такой хрени? – недоуменно взглянул Семенов на полковника. Он хорошо помнил, что есаула все же величали Курбатом, да и нижегородский фюрер именовал его именно так.

– Для сугубо русского, так сказать, благозвучия, – объяснил Родзаевский.

– А чем Курбат не благозвучно? Тем более что происходит-то он из древнего рода.

– Нам и в самом деле известно, что отец его – из древнего казачье-дворянского рода Курбатов, который появился здесь еще с полком запорожцев, направленных на Амур для несения пограничной службы. Но с тех пор, когда ротмистр стал членом «Российского фашистского союза», мы сочли, что с запорожскими корнями он порвал окончательно. Опять же, дворянин, князь...

– Князь – это очень даже к месту, если учесть, что ему, как я теперь понимаю, предстоит очень важное задание.

Они оба умолкли и посмотрели на дверь, как на театральный занавес, поднятие которого слишком затянулось.

6

Переступивший порог кабинета пшеничноволосый гигант как-то сразу заполнил собой большую часть пространства. Почти по-женски красивое лицо его, с четко очерченными губами и слегка утолщенным на кончике римским носом, казалось в одинаковой степени и добродушным, и презрительно-жестоким. В то же время широкие, слегка обвисающие плечи казались вылитыми из металла, – настолько они выглядели непомерно могучими и тяжелыми, даже в соотношении с поддерживавшим их мощным туловищем.

– Господин генерал, господин полковник... – твердым, чеканным слогом проговорил вошедший. – Ротмистр Курбатов по вашему приказанию явился.

Прошло несколько томительных секунд молчания, прежде чем атаман пришел в себя после созерцания этого прищельца, и с заметным волнением в голосе, приподнимаясь со своего трона, произнес:

– Так вот ты какой, энерал-казак, сын есаула Курбата?! Вот она, кость какая, нынче пошла – нашенская, даурская! Любо, любо!.. Чего молчишь, полковник Родзаевский? Посмотри, какие у нас казаки нынче в строю!

– Об этом-то и речь, господин атаман, об этом и речь, – подхватился фюрер «Российского фашистского союза», с почтением глядя на молодого диверсанта. – Любая группа, уходящая за кордон, почтет за честь...

«Значит, это ты и есть тот самый ротмистр Курбатов...» – уже как бы про себя, пробубнил атаман, с трудом сумев справиться с охватившим его оцепенением. Сейчас, вернувшись в свое кресло, он вообще казался сам себе презрительно слабым и ничтожным рядом с этим человеком-горой.

– Не знаю, тот ли, батька-атаман, – с достоинством пробасил ротмистр. – Но что Курбатов – это точно.

Генерал вновь испытующе осмотрел его. Пышные, слегка выющиеся волосы, «полуримское-полурусское», как определил его для себя главнокомандующий, лицо, с выпяченным массивным подбородком и четко очерченными толстоватыми губами, не по-мужски большие голубовато-зеленые глаза...

Улавливалось нечто презрительно-жестокое и внушающе-жесткое в удивительной красоте этого человека. Вырваться из-под власти его привлекательности и гипнотизирующего взгляда было бы трудно даже в том случае, если бы он явился в этот дом с миссией палача.

– Так, говорят, что вы храбры, ротмистр, до дерзости храбры, – с каким-то легким укором произнес генерал.

– Как и положено быть даурскому казаку, – с какой-то грустноватой усталостью в голосе объяснил князь.

Длинная драгунская сабля у ноги гиганта была похожа на неудачно прикрепленный кинжал. А двадцатизарядный маузер в грубо сшитой кожаной кобуре он носил на германский манер – на животе, только не слева, а справа; да и шитая на заказ фуражка с высокой тульей тоже напоминала фуражку германского офицера.

Атаман уже собирался съязвить по этому поводу, потребовав, чтобы ротмистр его белой Добровольческой армии придерживался установленной формы одежды, но вспомнив, что Курбатов – один из активнейших штурмовиков «Российского фашистского союза», запнулся на полуслове. Подражание эсэсовцам в этом «Союзе» было делом заурядным. В свое время главным пытался пресечь этот «разгильдяйский манер» и потребовать раз и навсегда... Но поднатревший на политике и геббельсовской пропаганде Родзаевский сумел умерить его командный пыл одной-единственной фразой: «Зато какое раздражение это вызывает у японских чинов!

Диктовать нам, какую форму носить, они не могут, однако же и мириться с нашим пангерманизмом тоже не желают, несмотря на то, что с германцами пребывают в союзниках».

И нижегородский фюрер был прав. Поначалу япошки совсем озверели. Этих недоношенных самураев из Квантунской армии до глубины души возмущало, что содержащиеся на их средства белогвардейские офицеры, которые в будущем должны составить костяк военной администрации Страны Даурии, находящейся под протекцией «императора Великой Азии», слишком демонстративно тянулись ко всему германскому или, в крайнем случае, предпочитали следовать традициям русской императорской армии; что русские казаки с презрением, а то и насмешкой, отвергают все японское: от военно-полевой формы одежды, которую считали нелепой и срамной, да японских винтовок, которые считались неметкими и капризными, а потому слишком ненадежными, до святая святых всякого самурая – японских обычаев и традиций.

Но именно то, что в этих вопросах – хотя бы в этих – его казаки умудрились выстоять перед натиском квантунцев, как раз любо было их генерал-атаману. Причем Семенов прекрасно понимал, что наиболее стойкими по отношению и к просамурайской, и к прокоммунистической пропаганде представляли именно они – штурмовики «Российского фашистского союза», а потому, при всем своем недоверии к «нижегородскому фюреру» Родзаевскому, к эсэс-казакам его относился с должным почтением.

– Я неплохо знал твоего отца, ротмистр.

– Он тоже говорил, что знаком с вами, – сдержанно молвил Курбатов. – И с большим уважением относился к вам.

– Хорошо, что ты произнес эти слова, энерал-казак. Именно такие порой и нужно произносить в наше сабельно-предательское время, чтобы научиться верить и доверять. Нам нужно серьезно поговорить о том, как жить, а значит, как воевать дальше.

– Надо бы поговорить, господин генерал-атаман, – с угрюмой твердостью согласился Курбатов, оценивающе осматривая главнокомандующего, столь неожиданно переведшего беседу на сугубо гражданский тон.

– Только продолжим встречу в другой комнате, – поднялся Семенов. – Здесь не совсем удобно и постоянно сквозит, – подозрительным взглядом обвел он свой кабинет. – К тому же воспоминания не терпят официальной обстановки.

«Неужели боится подслушивания? – удивился ротмистр. – Даже в своем доме?!»

В разведывательно-диверсионной школе ему приходилось слышать о каких-то хитроумных устройствах, появившихся у немцев и японцев, которые, маскируя под какие-то безделушки, можно подсовывать в виде микрофонов. Однако относился к этим шпионским страстям с ироническим недоверием.

Все трое поднялись на второй этаж и вошли в небольшую полукруглую комнатушку, под одной из стен которой стоял овальный столик, а перед ним, амфитеатром, – широкий диван, обтянутый темно-коричневой кожей. Здесь уже все было готово для того, чтобы они могли провести беседу за стопкой рисовой водки, закусывая бутербродами с балыком и окороком. Хозяин наполнил рюмки.

– За возрожденную Россию, господа, в которой, в конечном итоге, не будут хозяйничать ни жидо-коммунисты, ни японский император, ни фюрер Германии. При всем моем уважении к некоторым из них. Ура, господа!

– Ура! – коротко, но зычно, поддержали генерала гости. Они выпили, молча закусили, снова выпили. Дозы были небольшими, генерал понимал, что разговор должен быть серьезным, а значит, как он обычно выражался, «натрезвую».

– Я не стану расспрашивать вас о подробностях рейда, ротмистр, – заговорил атаман, когда рюмки вновь коснулись столов. – Самые важные из них полковник уже изложил, а всей правды мы все равно так никогда и не узнаем. – Семенов выжидающе уставился на Легионера:

станет убеждать, что «ничего такого» во время этого рейда не происходило или же горделиво промолчит?

В ответ Курбатов лишь снисходительно улыбнулся своей грустновато-циничной улыбкой.

«Глазом не моргнул, душа его эшафотная! – удивился атаман. – Хотя понимает, что от ответа на мой вопрос зависит: станем мы ему впредь доверять или не станем, позволим ему жить или сегодня же вздернем».

– Меня интересует одно, – не стал устраивать ему допрос генерал, – готовы ли вы снова пойти в Россию? Не по приказу пойти, хотя приказ, ясное дело, тоже последует, без него в армии, да еще и в военное время, попросту нельзя, а как бы по собственной воле.

Атаман не сомневался, что Курбатов согласится. И был слегка удивлен тем, что ротмистр не спешит с ответом. Он, не торопясь, с независимым видом, дожевал бутерброд, налил себе из графина немного напитка, настоящего на таежных травах, которым Семенов всегда потчевал своих гостей и секрет которого знал, как утверждали, только он один, и лишь тогда ответил:

– Пойти, конечно, можно. Но сами видите, как дорого обходятся нам подобные рейды...

– Однако же и коммунистам тоже, надеюсь, не дешевле...

– Не дешевле, можете не сомневаться, и на то она война... Но я к тому, что людей в группу хотел бы подбирать сам, лично. Чтобы, если ошибусь, пенять мог только на себя.

– Не возражаю, в соболях-алмазах, сабельно...

– Еще одно условие: со мной пойдет не более восьми – десяти диверсантов. Группы в десять штыков, полагаю, вполне достаточно. При этом я не должен буду взрывать какой-то вшивый заводик или убивать председателя облисполкома, которого коммунисты и сами со дня на день расстреляют. Подобных акций попросту не терплю, для их исполнения существуют другие.

– А для чего существуешь ты?

– Перед вами, господин атаман, вольный стрелок. Иду, куда и как позволяют обстоятельства, но с боями, совершенно свободным в своем выборе.

– Требования у вас, однако, ротмистр... – недовольно поморщился Родзаевский. – Что значит «вольный стрелок»? Вы – офицер Добровольческой армии, и есть приказ...

– Как раз и веду речь о том, как именно должен быть составлен этот приказ, – невозмутимо объяснил Курбатов.

– Непозволительное вольномыслие, – пробубнил Родзаевский, вопросительно глядя на атамана.

– Считайте, что ваши условия, ротмистр, приняты, – мрачно и в то же время заинтригованно согласился Семенов. – Мало того, они мне нравятся. Отправляясь в подобный рейд, вы действительно сами должны подбирать людей, чтобы полагаться на них. Так что тут все сабельно. Но должен предупредить: рейд, в который намереваюсь отправить вас на сей раз, будет необычным, во время которого можете делать все, что вам заблагорассудится. То есть и в самом деле можете чувствовать себя вольными стрелками.

– А вот вам и название рейда: «Операция “Вольный стрелок”», – оживился Родзаевский, забыв, что еще несколько минут назад само выражение «вольный стрелок» вызывало в нем неприятие. – А еще лучше назвать ее «Маньчжурские стрелки», и группу тоже назвать группой маньчжурских стрелков. Так будет точнее, да и японцы воспримут это название с большим пониманием.

– А что, так, кодово, и назовем этот рейд: «Операция “Маньчжурские стрелки”», – оживился Семенов¹². Он давно поддался стремлению японцев: любому наскоку, любой вылазке

¹² История этого рейда в годы войны по советским тылам, от Маньчжурии до линии Восточного фронта, собрана в романе «Маньчжурские стрелки», который вы держите в своих руках. Этот образ имеет под собой реальную судьбу, реальные события, поскольку подобный рейд действительно состоялся.

давать кодовое название, позволявшее, во-первых, выделять эту операцию, а во-вторых, говорить о ней, в том числе в письмах и радиоэфире, не раскрывая ее сути и назначения.

– Будем считать, что эта часть задания меня устраивает, – насторожился Ярослав Курбатов, понимая, что должна существовать еще и другая часть, в сути которой и кроется разгадка такой «диверсионной щедрости». – Непонятно, правда, какова же истинная цель этого рейда.

– Цель простая – вместе с группой маньчжурских стрелков вы, ротмистр, должны дойти до Урала. Сможете?

Курбатов удивленно взглянул на Родзаевского, но тот демонстративно пожал плечами, давая понять, что для него этот рейд – такая же новость, как и для ротмистра.

– То есть я понимаю так, что границу мы перейдем в районе Казахстана и оттуда нам надлежит пройти до Урала?

– Нет, князь, границу вам надлежит перейти здесь, на Дальнем Востоке, – твердо молвил генерал-атаман. – Именно здесь. И прямо отсюда, через Даурию, пойдете к Уралу. Горы эти мне, собственно, не нужны. Ведь не собираюсь же я удерживать весь Урал силой небольшой группы? Тут для нас другое принципиально важно...

Курбатов вновь взглянул на Родзаевского, как бы упрекая, что тот даже не намекнул ему заранее, что подобный рейд готовится, но опять почувствовал: условия, выдвигаемые атаманом, для него тоже в новинку.

– Эксперимент, господин генерал-лейтенант, так следует понимать? – спросил он, убедившись, что от нижегородского фюрера разъяснений ждать бессмысленно.

– Скорее необходимость.

– Я так понимаю, что речь идет о диверсионно-пропагандистском рейде, – решил Родзаевский, что и ему пора подключаться к развитию атаманской идеи, поскольку в глазах ротмистра дальнейшее отмалчивание его становилось неприличным. – О рейде, который бы напомнил Совдепии, что армия атамана Семенова все еще существует и что ее бойцы ждут своего часа...

– Правильно толкуешь, полковник, – признал генерал-атаман. – Будем считать его еще и пропагандистским. Так что, ротмистр Курбатов, сможете повести за собой группу. Совершая при этом диверсии, проводя беседы с теми людьми, которые нам все еще верны, и в то же время истребляя на своем пути все враждебное нам? Совдепия нас давно похоронила, а мы – вот они, бойцы Добровольческой освободительной армии генерала Семенова! Кстати, лучше говорить: «генерала, главнокомандующего», потому что атаманы в Совдепии теперь не очень-то в чести. Раз атаман, значит, что-то такое, вроде как банда... А мы с вами – армия. Освободительная армия. Так сможешь, ротмистр, или следует подыскать другого казака, более опытного и храброго?

С ответом Курбатов не спешил. Он понимал, что атаман уже твердо остановился на его кандидатуре и теперь откровенно пытается «брать его нахрапом», как говорили в таких случаях в казачьих станицах, то есть всячески провоцировать, задевая его самолюбие. Однако понимал и то, что речь идет о слишком уж сложном рейде, наподобие тех, из которых не только не возвращаются, но из которых и возвращение в принципе не предусматривается.

Впрочем, из рейда, который он недавно совершил, возвращение тоже в принципе не предусматривалось. И то, что он, единственный из группы, все же вернулся, скорее счастливая случайность. Зато еще во время подготовки к прошлому рейду он установил для себя одно правило: все условия подобных рейдов следует оговаривать до того, как дашь согласие на него, поскольку потом оказывается, что всем уже не до тебя и надо выполнять тот приказ и те условия, которые тебе продиктованы.

– То есть группе «маньчжурских стрелков» предоставляется полная свобода действий по пространству и времени, без каких-либо особых покушений и диверсий? – задумчиво уточнял ротмистр, явно затягивая с ответом, словно ожидал, что в стремлении уговорить его отцы-

командиры все же проговорятся и выдадут какой-то потайной замысел, который до сих пор от него попросту скрывали.

– Без каких-либо особых, в соболях-алмазах, – заверил его Семенов.

Курбатов исподлобья взвесил взглядом Родзаевского, словно ожидал, что разгадка, а точнее, подвох последует именно с его стороны. Но тот демонстративно осматривал окурок своей заморской сигары.

– В общем-то, мне такой вариант подходит, – произнес Курбатов. – В такой вольной охоте я принесу больше пользы Белому движению, чем если бы сунулся со взрывчаткой под какую-нибудь вшивую фабрику, у которой меня застрелил бы первый попавшийся охранник.

– Откровенно, – кивнул генерал, и в этот раз наполнил рюмки всего лишь «по четвертинке». – Как вы уже поняли, господа, никого другого, более достойного, во главе группы «маньчжурских стрелков» я пока что не вижу. Поэтому выпьем за то, чтобы вы, ротмистр, успешно провели эту группу от «великого Амура» до не менее «великого Днестра». Уверен: вы станете первым, кто совершит подобный диверсионный рейд.

– Простите, господин генерал-атаман, но мне казалось, что раньше речь шла об Урале, от которого до Днестра...

– Мне прекрасно известно, сколько от Урала до Днестра, – мягко осадил его Семенов, загадочно ухмыляясь. – Причем речь идет даже не о Днепре, а именно о Днестре. Просто не хотелось так сразу пугать вас.

– Ну, допустим, что произошло невозможное и мы сделали привал на берегу Днестра. Что дальше?

– Вы правильно заметили, ротмистр, что на берегу Днестра вам надлежит сделать всего лишь небольшой привал, в соболях-алмазах. Так сказать, маленько передохнуть. Поскольку основная задача ваша – пройти от Амура, а точнее, отсюда, от Сунгари, до германской реки Эльбы.

Услышав это, Родзаевский поперхнулся при очередной затяжке и нервно поерзал в кресле.

– Ну, знаете ли... – проворчал он, воспринимая это задание уже как откровенную издевку, причем не только над князем.

– И с какой же целью? – решительно поиграв желваками, поинтересовался Курбатов.

Семенов опустошил свой бокал, по-крестьянски крикнул и, широко раскинув руки, произнес:

– Вот теперь мы и подошли к самому интересному. У вас, ротмистр, будет свое, особое задание: пробиться к известному вам «венскому фюреру», как называла его пресса, обер-диверсанту рейха Отто Скорцени.

– К Скорцени?! – ушам своим не поверил Курбатов.

Теперь уже сам атаман вопросительно взглянул на Родзаевского, и тот поспешно кивнул. Он ничего не имел против общения Курбатова с лучшим диверсантом рейха. Тем более что в секретной диверсионной школе «Российского фашистского союза», готовившей руководителей будущих подпольных диверсионных групп, лучшим выпускником которой стал Курбатов, о «первом диверсанте рейха» всегда говорили уважительно.

– А что вас так удивляет, ротмистр? Представляете себе снимки в берлинских газетах с подписью: «Встреча обер-диверсанта рейха Отто Скорцени с лучшим диверсантом белоказначьей армии генерала Семенова. Беспрецедентный рейд от Маньчжурии до Германии!» или что-то в этом роде?! Что вы приумолкли, ваша светлость князь Курбатов? Или, может, вам не хочется побеседовать со Скорцени?

– Просто я думаю, что моя беседа с человеком, спасшим Муссолини, конечной целью этого рейда быть не может.

– И правильно мозгуешь, энерал-казак, – вновь расплылся в улыбке атаман. – Потолковать со штурмбаннфюрером Отто Скорцени, как диверсант с диверсантом, – это уже приятно. Да только ты используешь знакомство с этим человеком...

– Кстати, личным агентом фюрера по особым поручениям, как именуется сейчас одна из его должностей, – пришел ему на помощь Родзаевский.

– Даже так, теперь уже личным агентом фюрера по особым поручениям?! – возрадовался атаман. – Тем лучше, в соболях-алмазах! Через него ты и передашь мое личное послание Гитлеру.

* * *

Не сводя с генерала широко раскрытых глаз, Родзаевский наполнил свою рюмку, только свою, не испросив разрешения, осушил ее до дна и самодовольно крякнул, совершенно забыв, что это не застолье, а прием у командующего армией.

Подобным поворотом беседы он был удивлен не менее Курбатова. Удивлен и слегка обижен: в конце концов генерал мог бы поставить его в известность заранее. Почему он, руководитель «Российского фашистского союза» и шеф разведывательно-диверсионной школы, должен узнавать о подготовке подобного рейда вместе с ротмистром?!

– Я не вправе диктовать свою волю, господин генерал, – не скрывая обиды, сухомерно проговорил он. – Однако согласитесь: передавать письмо фюреру Великогерманского рейха диверсантом!.. Которому предстоит пройти всю Россию, тысячами километров по тылам противника. Это, знаете ли, при всем моем уважении к ротмистру. Где гарантия, что уже через несколько дней после выхода группы это письмо не окажется на Лубянке?

– Уж не хочешь ли ты сказать, что твой маньчжурский стрелок столь ненадежен?..

– Боже упаси, господин генерал, своему офицеру я верю. Но раненым он может оказаться в плену, его могут убить... Это война, поэтому в диверсионном деле нашем следует предусматривать все возможное варианты. И потом, к чему такой риск? Существуют десятки иных, более безопасных способов доставки подобных посланий.

– Может, и существуют, – снисходительно улыбнулся в усы Семенов.

– Например, можно передать через одно из консульств иностранных государств или через буддистов, которые в последнее время зачастили в рейх. А почему бы, например, не потревожить своим письмом Гитлеру посольство Маньчжоу-Го в Германии? Или же передать его через дипломатов, через ученых нейтральных стран.

– Неужели не понятно, что дипломатические каналы исключаются? – вдруг резкоотреагировал Семенов. – Японская разведка слишком хорошо контролирует их. Не говоря о контроле над нами. Мне не хотелось бы, чтобы в Императорском генеральном штабе узнали о том, сколь упорно мы с вами ищем контакты с фюрером. Японцы хотя и союзны германцам, но слишком уж не доверяют им, да и воспринимают их слишком уж ревниво.

– К тому же в Токио еще помнят о вашем письме фюреру, направленном, если не изменяет память, то ли в марте, то ли в апреле 1933 года¹³, – согласился полковник. – Уже тогда японцы восприняли появление такого послания, а тем более – втайне от них, с явным неудовольствием.

– Еще с каким «явным», – воинственно повел плечами Семенов. В душе он гордился любым неудовольствием, которое удавалось вызвать у «азиат-япошек», ибо не только не любил их, но и откровенно презирал. – Их военное командование буквально взбесилось.

¹³ Исторический факт. Атаман Семенов действительно направил личное письмо Гитлеру, в котором предлагал ему самое тесное сотрудничество в борьбе с международным коммунизмом. Датировано это письмо было 29 марта 1933 года и воспринято японцами довольно болезненно.

– Хотя вы всего лишь приветствовали фюрера в связи с его приходом к власти, выражая готовность совместно выступить против общего врага – всемирного коммунизма.

– Да вы, оказывается, прекрасно осведомлены об этом? – удивленно вскинул брови Семенов.

– Профессиональный контрразведчик. По должности положено. Впрочем, вы не очень-то и скрывали свои симпатии. В конце концов германцы и японцы – союзники. Правда, пока что Токио все еще выжидает.

– Преступно и подло выжидает, в соболях-алмазах, – поддержал его атаман. – Там, видите ли, сладострастно ждут, когда два тигра, Германия и Россия, упадут замертво, или по крайней мере предельно обессиленными, чтобы затем величественно спуститься со своей святоглавой Фудзиямы и преспокойно овладеть всем тем, за что эти тигры столь долго и кровопролитно сражались. Однако же нам сие хорошо известно, разве не так, полковник?

– Понятное дело, – кротко согласился Родзаевский, поглядывая на Курбатова, который по-прежнему вертел между пальцами ножкой стопки.

– Как известно и то, – продолжил тем временем атаман, – что наша армия нужна японцам всего лишь для создания Великой Азии, их Великоазиатской империи, а не для того, чтобы в союзе с германцами она сражалась за единую и неделимую Россию.

– Но в таком случае получается, что мы свое время упустили, господин командующий, – откинулся на спинку кресла Родзаевский. – Большевики и их союзники вот-вот окажутся у границ Германии, границ рейха.

7

Генерал выслушал его спокойно. Он ожидал подобного возражения. У него было свое видение того, что происходило сейчас в далекой Европе, к которой он хотя и стремился (подобно тому, как всякий провинциал стремится хоть день-другой побывать в столице), но которую в то же время недолюбливал.

Здесь, в Сибири, все казалось проще, понятнее, естественнее. Совсем недавно в газете «Голос эмигранта» он писал: «Нам, русским националистам, нужно проникнуться сознанием ответственности момента и не закрывать глаза на тот факт, что у нас нет другого правильного пути, как только честно и открыто идти с передовыми державами “оси”¹⁴ – Японией и Германией».

По части того, что идти надо «честно и открыто», Семенов, конечно, лукавил. У него были свои виды и планы. Точнее всех их сумел очертить Верховный правитель Колчак, назначив атамана «правителем Восточной Российской Окраины». А еще до Колчака такую же «полноту власти» ему обещал Керенский, – как плату за войска, которые он приведет из Забайкалья в помощь Временному правительству. Однако тогда не состоялись ни войско, ни «полнота власти»...

Со временем, уже в двадцать шестом году, кандидат в премьер-министры Японии Танаки тоже обещал ему, что, когда возглавит правительство и с помощью армии сумеет добиться, чтобы вся Восточная Сибирь была отторгнута от России, – во главе буферного государства окажется он, генерал Семенов-сан. Почти такие же обещания Семенов слышит и сейчас, правда, от совсем других людей, но суть-то, суть остается!

Конечно же Семенов давно понял, что все эти обещания ровным счетом ничего не стоят. Настоящим правителем Забайкалья, императором «Страны Даурии», он станет только тогда, когда, собрав здесь все имеющиеся войска и подняв на восстание против большевиков все население монголо-бурятских аймаков, сам установит свою власть над этим огромным краем, сам провозгласит и сам утвердит себя на сибирском престоле силой собственного оружия.

– Все не так просто, полковник, все не так просто... – сказал он Родзаевскому. – Мыслию, что как раз сейчас, когда коммунисты подступают к стенам рейха, а в иных странах Европы уже подспудно утверждается большевизм, который вот-вот может распозлзиться по всему Старому Свету, союзники Сталина, англичане и американцы, начинают понимать: пора попридержаться коней! Потому что, как только они в аллюре ворвутся в Берлин, окажется, что остались один на один с объединенной, некогда союзнической, ордой большевиков. Что им противостоят закаленные в боях и партизанских дымах дивизии не только России, но и Югославии, Болгарии, Румынии, Чехии, Польши, которые к тому времени окажутся полностью обращенными в иудейско-марксистскую веру, то есть полностью обольшевиченными.

– Резонно, резонно, – кивнул Родзаевский. Даже Курбатов, который до сих пор старался не вмешиваться в их диалог, выслушав атамана, что-то там одобрительно проворчал.

– Конечно же западные правители потребуют от своего нового союзника, Гитлера, освободить все территории, которые он занял в Западной Европе. Естественно, они потребуют всяческих других уступок. Однако армию германскую сохраняют. Да-да, сохраняют. И всю, до последнего солдата, развернут против рус... Против Советов, – исправил свою ошибку главнокомандующий. Говоря о победах германцев, он, из чувства патриотизма, всячески избегал слова «русский».

¹⁴ Имеется в виду «Ось Рим – Берлин – Токио», созданная накануне Второй мировой войны для налаживания союзнических отношений между этими странами.

Произнеся эту речь, Семенов умолк, ожидая более пространной реакции полковника на свои умо заключения.

– М-да-а! – ошастливил его такой реакцией Родзаевский. – Если исходить из того, что немцы действительно проигрывают эту войну, и даже наверняка проиграют ее, то с вами, господин генерал-атаман, трудно не согласиться.

– Со мной трудно не согласиться уже хотя бы потому, что я, возможно, как никто иной из восточных военных и политиков, страстно не желаю их поражения. Пока германцы истощают силы красных, у нашей армии остаются шансы на возвращение, если уж не в Питер, то по крайней мере в Страну Даурию. А что скажет по этому поводу наш сиятельный князь? – хищновато осклабился Семенов, обращаясь к Курбатову.

– По поводу того, о чем вы, господин генерал, сейчас спорите с полковником, вообще ничего не думаю.

– Как так?! – изумился его беспардонности Семенов. – Не может такого быть, князь.

– Просто голова моя занята другими мыслями. Обдумываю, как бы побыстрее дойти до Ла-Манша, поскольку чувствую, что, в конечном итоге, именно туда вы и направите меня, – все еще не потерял чувства юмора Курбатов, ухмыляясь себе в рюмку, которую очень умеренно, с наслаждением, выпеживал.

– А что? Исходя из того, как быстро изменяется ситуация, такой приказ тоже исключать не следует, – рассмеялся Семенов, поняв его намек. – Однако вернемся к рейду «маньчжурских стрелков». В письме, которое, верю в это, будет доставлено вами, ротмистр Курбатов, фюреру, мы заявим о готовности выступить против большевиков, предложив Гитлеру как следует нажать на своих союзников-японцев, решивших до конца мировой войны отсидеться на сопках Маньчжурии.

– Что уже почти очевидно, – презрительно улыбнулся Курбатов. – Японцы давно перехитрили самих себя, но так до сих пор и не поняли этого.

– А меня, если хотите, такое положение вещей раздражает, в соболях-алмазах! – подался к нему главнокомандующий. – Меня всегда раздражают политики, которые, стоя на поле кровавой сечи, где гибнут их союзники, пытаются мудрить и хитрить так, чтобы перемудрить и перехитрить самих себя. Что же касается японцев, то они выглядят идиотами перед всем миром: не воспользоваться такой возможностью! Правда, мне не хотелось бы, чтобы они становились хозяевами Дальнего Востока и Даурии. Но если бы они передали власть моему правительству, то со временем тоже превратились бы всего лишь в наших союзников. В надежных союзников, но не более того.

– То есть рано или поздно мы вымели бы их со своих земель, – поддержал его Курбатов. – А пока что все идет к тому, что красные вытеснят их даже из Маньчжурии и Китая, да погонят к Желтому и прочим морям.

– Боюсь, что именно так все и произойдет, – грустновато признал его правоту Родзаевский.

– Поэтому я уже не раз говорил квантунскому командованию, что выступать следует немедленно, – входил в свою привычную роль главнокомандующий. – Японцы должны двинуть свои дивизии и оттянуть часть войск красных на себя. Если же они не решатся на это...

– Так, может, мне со своим отрядом сразу же прикажете идти не в сторону Берлина, а в сторону Токио? – не скрывая иронии, продолжил его мысль Легионер, хотя понимал, что прозвучало это слишком смело, чтобы не сказать дерзко.

– И пойдете, если прикажу, – набыченно уставился на него Семенов, стараясь сбить с ротмистра спесь. – А не дойдете – вздерну. Ты меня, энэрал-казак, знаешь. Если же японцы все-таки в ближайшее время не решатся, на этот случай у тебя, ротмистр, будет еще одно мое письмо. – Генерал угостил офицеров сигаретами, совершенно забыв при этом о знаменитых сигарах Родзаевского, и, задумчиво помолчав, продолжил: – Только адресовано оно уже будет

генералу Петру Краснову, который, как вам известно, вместе с генералами Шкуро, Домановым и Султан-Гиреем объединил сейчас под своим началом все казачьи части, находящиеся в Югославии, Италии, Германии и других странах. И в нем будет предложение выступать против красных самостоятельно, с запада и востока, навязывая красным партизанскую войну, в которой германцы в Совдепии так позорно проиграли.

– Рисковое мероприятие, – покачал головой Родзаевский.

– Рисковое, не возражаю. Однако сидеть и ждать непонятно чего, – тоже не стоит. В любом случае германцы об этом письме знать не должны. Не только японцы, но и германцы. Вы поняли меня, ротмистр?

– Так точно, ваше превосходительство, – медленно, вальяжно заверил Курбатов. – Немцы о нем не узнают, поскольку передам его на словах. Во всех иных случаях письмо обязательно попадет в руки гестапо или СД. При первой же встрече с германцами они устроят мне проверку, обыщут и даже попробуют пытать: вдруг я агент красных. Так что вы составьте текст, я его заучу и передам Краснову.

– Подумаем, ротмистр, подумаем, – недовольно проворчал генерал, которого покорежило столь прямолинейное толкование ротмистром обычных шпионских истин. – В любом случае мы постараемся скоординировать наши действия с Красновым, – адресовался он уже к полковнику. – В случае поражения рейха или свержения фюрера, поскольку американцы и англичане могут выдвинуть и такое условие в качестве первого шага к сепаратному миру, мы сможем выступить совместно с Белой гвардией Краснова и Шкуро уже под покровительством англосаксов. И пока большая часть Красной армии будет сражаться на полях Европы, попытаемся поднять народ в ее тылах. Самое время рискнуть, все равно другого такого случая не представится.

– Не представится. Это уж точно. Хотя совершенно очевидно, что более реальной и значительной силой сейчас, – напомнил полковник Родзаевский, – являются войска не Краснова, а Власова, большей частью своей сформированные из вчерашних красноармейцев. Вернувшись в Россию, каждый из них поднимет на борьбу своих родственников, односельчан, словом, понятно... К тому же Власов знает большинство нынешних командиров и бойцов Красной армии, знает молодое поколение совдеповцев.

– Да, более реальной, поскольку возглавляет ее бывший большевистский генерал, кстати, из пролетариев, который у народа вызывает больше доверия, нежели любой из нас, царских генералов. Как видите, я тоже реалист, – едва заметно ухмыльнулся Семенов, явно подчеркивая, что признавать эти реалии ему не так-то просто.

– Да, из пролетариев, и с этим придется считаться.

– Правда, сотрудничество с фашистами в глазах «героического советского народа» его тоже не очень украшает. Еще бы: сотрудничество «с проклятой фашистской нечистью»! – язвительно рассмеялся Семенов, отдавая себе отчет в том, сколь неприятно сейчас выслушивать подобное обоим офицерам, особенно руководителю «Российского фашистского союза».

– Пропаганда есть пропаганда, – невозмутимо подтвердил полковник, хотя давалась ему эта невозмутимость с большим трудом.

– Словом, извините, господа, но пока что я позволю себе делать ставку на «беляка» Краснова. В письме будет сказано, что вы, ротмистр, поступаете в его полное распоряжение.

– Впрочем, если Скорцени пожелает, чтобы вы закончили еще и германскую разведывательно-диверсионную школу, – молвил Родзаевский, – не противьтесь этому, ротмистр. Перенимайте и германский опыт, он нам тоже пригодится.

– То есть мне уже не придется возвращаться сюда? – удивленно уточнил Курбатов.

– Без особого моего приказа, – ответил ему Семенов. – Вы понадобится мне и в Германии. Тем более что из письма Краснов узнает, что в скором времени я и сам появлюсь в Европе, дабы иметь возможность встретиться с ним, Шкуро и всеми прочими. А уж потом

вместе вступим в переговоры с этим подлецом Власовым, а если удастся, то и с Деникиным, который, заметьте, пока что решительно не желает какого-либо союза с германцами. Вы не задаётесь вопросом: почему я столь подробно распространяюсь об этом, ротмистр?

– Нет, не задаюсь. Слишком высокая политика, в которой мое присутствие ничего не решает. Я всего лишь – легионер, маньчжурский стрелок, и не более того.

– И радуйтесь этому, ротмистр, в соболях-алмазах, – угрюмо посоветовал ему Семенов. – А ведь чертовски романтично звучит: «маньчжурский стрелок»!

– Зато я думаю о другом, – продолжил свою мысль Курбатов. – Если мой отряд или хотя бы один человек из его состава дойдет до Берлина, это сразу же заинтригует и немцев, и красновцев, вкупе с власовцами.

– А главное, заставит внимательно присмотреться к вам обер-диверсанта Скорцени, – напомнил Родзаевский. – Что тоже немаловажно.

– Обязательно постараюсь встретиться с ним, господин полковник. Рейд к столице рейха должен вызвать уважение к нашей секретной диверсионной школе. А в какой-то степени и поднять авторитет вашей армии, господин генерал, во всей Европе.

Родзаевский поморщился: последнее предположение показалось ему крайне неуместным. Каково же было его удивление, когда атаман Семенов вдруг поднялся из-за стола, наклонился к неуспевшему подняться ротмистру, обхватил его голову и по-отцовски поцеловал в лоб.

– Этот казак не только великолепный диверсант, Родзаевский, – торжественно произнес он, когда ротмистр и полковник тоже поднялись, – но и политик, несмотря на то, что всячески отрешивается от политики. Именно такой человек мне и нужен. Именно такого я имел в виду, задумывая свой «крестовый поход» на рейх.

– Диверсионно-крестовый, с вашего позволения, – наполнил рюмки Родзаевский.

– Детали похода мы, ротмистр, еще обсудим, – сказал генерал-атаман, когда все трое выпили. – Сейчас пока что одно могу сказать: в рейд – через неделю. В Чите, на квартире нашего агента, вы получите приказ о присвоении чина подполковника. А в миниатюрном пакетике, который вскрыет генерал Краснов, Отто Скорцени или кто-либо из высших чинов рейха, будет еще один сюрприз. В нем будет объявлено, что полковник Курбатов, – выдержал многозначительную паузу атаман, давая ротмистру возможность прочувствовать важность момента, – да-да, полковник, вы не ослышались, является полномочным представителем главнокомандующего вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа, правителя Страны Даурии генерал-атамана Семенова – на всей территории Великогерманского рейха. Кстати, даже если первым его вскрыет генерал Краснов, все равно сделайте все возможное, чтобы с ним ознакомился и кто-то из очень высоких чинов рейха, который бы доложил об этом фюреру. Лично фюреру. Тут уж скромничать не следует: ставки того стоят.

– Я дойду до Берлина, ваше превосходительство, – взволнованно проговорил Курбатов, поднимаясь из-за стола. Теперь этот гигант возвышался над генералом и полковником, словно детина-фельдфебель – над щупленькими новобранцами. – Я дойду до него, даже если небо упадет на землю.

– На весь поход вам отведено два месяца.

– Лучше три, – покачал головой ротмистр. – Если с боями, то никак не уложимся, какой бы транспорт мы ни захватили.

Семенов взглянул на полковника, и тот одобрительно кивнул.

– Не возражаю, три месяца. И ни дня больше, поскольку времени у нас с вами не так уж и много. Используйте любой транспорт, идите любыми маршрутами. На эти три месяца Россия отдана на вашу милость как на милость победителя. Вопросы?

– Их нет. Пока что нет. Отряд «маньчжурских стрелков», как вы обещали, подбираю сам, – мельком взглянул на Родзаевского. Чувствовал, что полковнику его своевластие все еще не нравится.

– Подтверждаю, выбор исключительно за вами, – заверил его нижегородский фюрер.

В этот раз Семенов лично наполнил рюмки и поднялся.

– За представителя русской армии генерала Семенова, атамана Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск, правителя Страны Даурии – в рейхе! – провозгласил он.

8

– Ну что, что, подьесаул Кульчицкий? Что произошло? Только не говорите мне, что император Хирохито победоносно вошел в Москву, не поверю.

– Радчук с задания вернулся, господин ротмистр.

– Всего-навсего?

– Он прошел через границу и вернулся.

– ...Иначе какой смысл проходить ее?

Курбатов сидел на полу, по-восточному скрестив ноги и упершись в колени локтями сомкнутых у подбородка рук. Он был одет в холщовые брюки и рубаху, напоминавшую борцовскую куртку дзюдоиста, то есть в одежду, в которой обычно тренировался.

Даже сегодня, когда до перехода кордона оставалось чуть больше суток и вся группа кроме Кульчицкого и Радчука отсыпалась, ротмистр почти два часа отдал тренировке, упражняясь у одинокой сосны, произраставшей на утесе, сразу за хижинкой, в которой они нашли приют. Он только что вернулся, и теперь старался поскорее восстановить силы, хотя с удовольствием прервал бы свой отдых, чтобы тотчас же отправиться к границе.

– И что говорит этот наш следопыт Радчук, чем собирается потешить атамана?

– Сообщает, что участок очень опасный.

– Чтобы утверждать это, не было смысла дразнить советских пограничников.

– Преодолевать пришлось ползком, под кроной колючих кустарников, по острым камням.

– Он, конечно, ожидал, что дорогу ему выстелют свежим сеном?

– Не в этом дело. Он весь изодрался. Придется всем нам переходить границу в каком-нибудь рванье, а уж потом переодеваться.

– Время у нас еще есть, селение рядом, да и потом, рванье нам наверняка помогут достать японцы. Где теперь этот маньчжурский стрелок?

– Отмоется и явится для доклада.

– К черту отмывание. Пока что сюда его, потом – хоть ванну из шампанского.

Поручик Радчук был единственным из группы, кто не прошел подготовки в секретной школе «Российского фашистского союза». Его еще только планировали зачислить туда, поэтому в течение двух месяцев он проходил в резервистах. Однако один из инструкторов школы предложил включить Радчука в группу без какой-либо особой подготовки, поскольку он и так достаточно подготовлен. Он принадлежал к тем людям, которых в любом деле принято называть самородками. Курбатов уже знал, что Радчук обладает удивительной способностью быстро, по-змеиному, ползать; бесшумно, почти по-кошачьи ходить и подкрадываться, метать ножи и топоры...

Однако главное его достоинство заключалось даже не в этом. Двадцатипятилетний поручик был ценен тем, что по крайней мере раз двадцать пересекал границу на самых разных ее участках, выступая в роли проводника различных диверсионных групп, хотя явно был не из местных. Как оказалось, родом Радчук откуда-то из-под Воронежа, в Забайкалье оказался уже в ходе Гражданской войны, а за границу отступал с каким-то случайно оставшим от войска отрядом казаков атамана Семенова.

Вот, пожалуй, и все, что Курбатову удалось узнать об этом человеке. Впрочем, он не очень-то интересовался им, поскольку инструктор сразу предупредил, что до сих пор Радчук ни разу не соглашался войти в состав какой-либо из диверсионных групп, ибо его устраивала лишь роль проводника, да и то за большую плату. Правда, деньги свои он отрабатывал честно, к тому же терять такого проводника в штабе Захинганского корпуса не хотели.

Сейчас поручик вошел в группу лишь на время перехода границы, и в составе ее идти дальше десяти километров от кордона отказывался. Да и то десять километров нужны были

ему лишь в том случае, если группа нарвется на засаду, чтобы затем уйти от преследования и пару суток отсидеться, пока на границе не угомонятся, решив, что проводник возвращаться не станет.

Радчук явился минут через десять. Одежда действительно изорвана, лицо в царапинах, пальцы кровоточат. На плечах – один погон, да и тот еле держался.

– Да нет, за погоном я специально вернулся, чтобы найти и подобрать, – проговорил поручик, уловив, что ротмистр задерживает свой взгляд на его левом плече.

– Считаешь, что придется искать другую тропу?

– Другой такой не найти, – возразил Радчук, перехватывая еще один мрачный взгляд Курбатова. – Корявая она, не спору, зато действительно надежная. Там, в горах, только две небольшие каменные проталины, по одной из которых как раз и проходит тропа. У второй красные в прошлом году кустарник вырубili, а вдоль этой то ли не успели, то ли попросту поленились.

– Или специально оставили для таких групп, как наша, чтобы устраивать у нее засады, – выдвинул свою версию Курбатов.

– При мне засады не было, – настороженно произнес Радчук. – Лично я прошел чисто. Совсем чисто. И тропу немного проредил, снизу подстриг, своеобразный лаз проделал, чтобы легче было идти.

– Вот этого делать не нужно было.

– Даст бог, не заметят, да и прокладывал ее с маньчжурской стороны. Словом, если осторожно пойдем, прорвемся без перестрелки. Участок в этой местности гористый, следов не остается. А если на кордоне диверсант не наследил, уже, считай, полдела.

– Но я слышал, что именно на этом участке три месяца назад была расстреляна тройка контрабандистов.

– Была. Красные засаду устроили. Но ведь и эти трое перлись почти что напролом. Я с проводником их беседовал, который уцелел. Обнаглели совсем, думают, что на границе чучела с ружьями стоят. Да и...

– Что «да и...»?

– Сдается мне, что и проводник тот красными подкуплен, не все, конечно, группы, но наиболее важные все-таки сдает.

– Но вы-то, поручик, красными, надеюсь, не завербованы?

– Меня тоже пытались купить, – спокойно заметил Радчук. – Человечка своего подсылали из местных агентов. Но я ведь не только из-за денег группы туда вожу, и потом, с контрабандистами якшался лишь до тех пор, пока они мне возможные места переходов указывали, то есть пока знакомился с местностью.

– И что, второй попытки агент не сделал?

– Потому что я его, как медведя, во время первой же ходки ножом завалил. Под ограбление сработал.

– Понятно. Что ж, если и на сей раз там появится засада, будем прорываться с боем. Но обязательно прорываться, настраивайтесь на такой исход, поручик.

– Обычно я настраиваюсь на самый страшный, – сверкнул своей белозубой цыганской улыбкой Радчук.

В облике поручика было что-то даже не от цыгана, а от чистокровного индуса: смуглое, с навечно запечатлевшейся на нем лукавинкой лицо, черные дуги бровей, прямой и тонкий, с едва заметной горбиночкой, нос... Телосложения он был среднего, однако худощавая, жилистая фигура его тем не менее источала и некую сокрытую в ней силу, и крестьянское упрямство человека, привыкшего к каждодневному тяжелому труду.

«А ведь утверждают, что потомственный офицер, и даже дворянин, – вдруг закралось в сознание Курбатова смутное подозрение. – Неужели действительно потомственный? Что-то

не похоже. Нет в нем ничего такого, холеного-вышколенного; ни дворянского, ни, тем более, офицерского. Разве что предположить, что офицерство-дворянство наше российское окончательно вырождается; что оно, в загулы всякие таборные пускаясь, постепенно в цыганскую кровь уходит...»

– Что скажете на это, поручик? – спросил он, потеряв нить, вместе с которой обрывались сокрытые молчанием «размышления про себя» и возобновлялся разговор.

Радчук пристально взглянул на Курбатова, и глаза его сверкнули холодным огнем: словно решался на какой-то отчаянный, роковой шаг.

– Не понял вас, ротмистр.

«А ведь истинный офицер, воспитанный дворянин, – подумалось Курбатову, – очевидно, сказал бы: “Простите, не понял”».

– Это я так, по поводу судеб офицерства российского задумался. Того, истинного, на дворянских корнях взращенного, офицерства, которое, судя по всему, постепенно вырождается.

– Не вырождается оно, в боях его вырубili, да красные по тылам своим выстреляли, – мрачно заметил Радчук. – Только не об этом думать сейчас надо, не о дворянско-юнкерском вышколе. С такими мыслями через кордон, а тем более, в далекие рейды, не ходят.

– С какими же, по-вашему, ходят?

– С сугубо волчьими, князь, – почти по-волчьи оскалился он. – Как бы выжить, князь. В плотки врагам вгрызаться, землю есть, на пузе ползать, по локти в крови ходить, – но выжить, любой ценой выжить. Вы, ясное дело, за кордоном уже побывали, но можете считать поход всего лишь ребяческой вылазкой в соседний сад. Что такое настоящий рейд тылами красных, вы поймете только в этом рейде, князь. – И уже в который раз Курбатов уловил, с какой язвительностью произносит Радчук его дворянский титул. В его устах это снисходительное «князь» звучало как пощечина, после которой в самый раз бросать в лицо перчатку.

– Ну что ж, по-волчьи, так по-волчьи, будем постигать и эту науку. Но тогда возникает вопрос: а когда это вы, потомственный офицер и дворянин, успели обучиться этой странной науке – волчьего выживания, а, господин поручик-с?

– Об этом я говорить с вами не намерен, князь, – резко отреагировал поручик.

– Даже если потребую самых подробных объяснений? – поиграл желваками Курбатов. – Или вы считаете, что мне не интересно знать, в чьи руки я вверяю судьбу своей группы, да и свою собственную?

– Кому надобно знать, тот знает обо мне все. Но если не доверяете, ищите себе другого проводника. Посмотрю, как у вас это получится, князь.

– Другого я начну искать не раньше, чем пристрелю, или, на худой конец, вздерну вас. Поэтому будем считать, что разговора нашего не было. Не происходило, и все тут.

– Вот это решение правильное, – мрачно признал Радчук как раз в тот момент, когда в комнате вновь появился Кульчицкий. – Попадем в руки красным, они из нас обоих жилы тянуть будут и на шомпола наматывать.

– Это уж как водится, – ответил вместо Курбатова подъясаул. – Потому что когда красные попадают в наши руки, мы их тоже особо не жалуем, поручик. И вообще что это за расстрельные разговоры такие?

– Выступаем завтра, в семь вечера, – молвил ротмистр, обращаясь к Радчуку. – До этого времени можете молиться, спать и снова молиться. Вы, подъясаул Кульчицкий, срочно займитесь одеждой, при содействии японского лейтенанта, естественно.

– И за его деньги, – не забыл уточнить подъясаул.

– ...Или пули, это уж как у них, японцев, получится. Свободны, господа.

9

Кульчицкий сразу же ушел, а Радчук тоже направился вслед за ним, но уже за порогом задержался и несколько секунд стоял, придерживая дверь и решая для себя: то ли закрыть ее, то ли вернуться.

– Слушаю вас, поручик, что еще вы хотите сообщить мне в назидание?

– Мы ведь о разговоре нашем уже забыли, – напомнил поручик.

– Но ведь вы все еще пытаетесь...

– Ничего я не пытаюсь. Зачем к обиде старой возвращаемся? – нервно перебил его Радчук. – И сказал я тогда не в назидание, а так, исходя из житейской философии.

– Виноват, поручик, будем считать, что теперь уже основательно забыли.

Радчук вернулся в дом и плотно прикрыл дверь. Нервно одернул изодранную, перепачканную гимнастерку, поправил завалившийся на спину полуоторванный погон. Он явно волновался, поэтому Курбатов не торопил его, терпеливо ждал. Только с пола поднялся и сидел теперь все так же, по-восточному скрестив ноги, но уже на циновке, расстеленной на лежаке.

– Полковник Родзаевский, когда напутствовал группу перед отправкой к границе, объявил, что вы, господин ротмистр, получили право повышать в чине прямо во время рейда, своей властью, с записью в офицерскую книжку. Ну а в штабные документы это повышение будет занесено уже после возвращения. Это так?

– Вы забыли уточнить, что мне дано право повышать в чине особо отличившихся, равно как и понижать в чине особо проштрафившихся.

– Это уж само собой, – охотно признал Радчук.

– Полковник лишь подтвердил право, которым наделил меня верхглавком генерал-лейтенант Семенов.

– И генерал не уточнял: распространяется ли ваше право и на проводника?

Курбатов замялся, этого он не знал.

– Генерал не уточнял, но полагаю, что распространяется, поскольку во время перехода границы, вплоть до возвращения в Маньчжурию, вы пребываете в составе группы маньчжурских стрелков.

– Тогда будем считать, что все это всерьез? – задумчиво, как бы про себя, произнес Радчук. Умолк и, несколько секунд молча, в такт своим мыслям, кивал головой.

– Что, поручик, хотите сказать, что по службе в чинах обходят? – строго спросил Курбатов.

– По правде говоря, считаю. Обходят помаленьку...

– Если исходить из вашего возраста, не похоже. И потом, вы ведь знаете армейское правило: командованию всегда виднее.

– Я готов сопровождать группу хоть до Читы, выполнять любой ваш приказ, прикрывать ваш отход, но с условием, что вы сочтете возможным произвести меня в штабс-капитаны. Чтобы я мог вернуться с вашей записью в книжке и с вашей запиской.

– В генералы не терпится?

– Понимаю, мое стремление может показаться унижительным или каким-то там еще... Но, если вы не поможете, ползать мне в поручиках до окончания войны.

– Чего так?

– А так. В штабе считают, что раз уж попал в проводники, так вроде бы уже и не офицер. Проводник – и все тут.

– Но ведь вы и сами не стремитесь подняться выше проводника. Идти в разведывательно-диверсионную школу не желаете, в группу входить отказались, на учениях не бываете,

ссылаясь именно на то, что вы проводник и что вам нужно изучать приграничные районы, а не шашкой махать. Станете убеждать, что меня неверно информировали?

– Каждый делает то, на что способен, – отвел взгляд Радчук. – И никто не сможет отказать мне в том, что я прирожденный пластун.

– А, следовательно, проводник...

– Понимаю: проводник, которому чин выше поручика попросту не положен, – иронично улыбнулся Радчук.

– Но и полковника в роли штабного проводника я себе тоже не представляю.

– Полковника – это уж точно. Несolidно как-то. Только я ведь прошу всего лишь о чине штабс-капитана. Разве что, может, вы не верите в мое дворянское происхождение и в то, что происхожу из семьи потомственных военных?

– По-моему, вы и сами в это не верите, поручик. Все мы теперь, из дворян происходящие, воспитанием не блещем, в том числе и я...

– Да нет, князь, – и Курбатов обратил внимание, что впервые за все время их встречи слово «князь» было произнесено с должным уважением, – что касается вашего происхождения, то тут ни у кого сомнений не возникает. Тут уж, извините, князь, сказывается порода: походка, взгляд, поведение...

– Благодарю за признание, – обронил Курбатов, снисходительно улыбаясь.

– Признаю, что у меня эта порода не просматривается, так что вы это правильно заметили, ротмистр. Нет образованности, нет достойного воспитания, нет офицерской вышколенности. Нет-нет, я на вас не в обиде, сам все это понимаю. Только это особый разговор, душевный и горестный.

– Поэтому сейчас мы к нему обращаться не будем. Лично я стану оценивать вас по тому, как вы поведете себя во время рейда.

– Трудно сказать, как сложатся обстоятельства, но при любом раскладе постараюсь вести себя, как подобает офицеру.

– Именно это я, собственно, и ожидал услышать от вас, поручик. А там... рейд покажет.

10

Утром группа маньчжурских стрелков Курбатова, участвовавшая в операции, которая в штабных бумагах значилась под кодовым названием «Маньчжурский легион», должна была отправиться на японскую диверсионную базу, расположенную где-то неподалеку от стыка границ Маньчжурии, Монголии и России. Все приготовления к этому уже были завершены. Вчера отобранные для группы диверсанты даже успели совершить десятичасовой марш-бросок по окрестным сопкам, и Курбатов в общем остался доволен их подготовкой. Во всяком случае, не нашлось ни одного, кто схватился бы за бок или за сердце; никто не сник, не натер в кровь ноги, а это уже ободряло его как командира.

Правда, оставались мелкие хлопоты. Например, обмундирование, оружие и все остальное, что входило в экипировку диверсантов, отряд должен был получить только на базе, однако все это уже мало беспокоило ротмистра. Главное, что группа наконец-то выступает. Страхуясь от неожиданностей, Курбатов строго-настрого приказал никому не покидать пределы разведывательно-диверсионной школы «Российского фашистского союза». До утра все легионеры обязаны были восстановить силы и выглядеть так, словно их готовили к строевому смотру.

Сам Курбатов никакой особой усталости не чувствовал. Его могучий организм всегда нуждался в подобных нагрузках, без которых мог бы просто-напросто захиреть. Будь его воля, все оставшиеся годы посвятил бы жизни бойца Шаолинского монастыря, проводя ее в постоянных тренировках, самосозерцании и самосовершенствовании. Но пока что он не мог позволить себе предаваться такой «воле». Он офицер, и покуда идет мировая война, должен сражаться.

– Господин ротмистр, – появился на пороге его штабной комнаты, мало чем отличавшейся по скромности своей обстановки от монастырской кельи, подпоручик барон фон Тирбах. – Прибыла машина Родзаевского. Посыльный передал просьбу фюрер-полковника немедленно явиться к нему.

«“Фюрер-полковника” – это что-то новое», – хмыкнул ротмистр, однако внешне вообще никак не отреагировал на сообщение подпоручика, и даже не пошевелился. В таком виде – в черной холщовой рубаше, черных брюках с короткими штанинами, босой – он напоминал уголовника в камере смертников. Истрепанная циновка, давно заменявшая ему постель, лишь усиливала это впечатление.

– Так что ему ответить, князь?

Прошло не менее минуты, прежде чем Курбатов в свою очередь спросил:

– А что ему нужно, вашему фюрер-полковнику?

– Посыльный передал только то, что я уже сообщил вам.

Когда Курбатов впервые увидел Тирбаха, этот крепыш показался ему по-домашнему застенчивым и на удивление робким. Такое впечатление сохранялось до тех пор, пока однажды, возвращаясь с очередной русской вечеринки, которую по очереди устраивали для господ офицеров местные зажиточные эмигранты, они не столкнулись с тремя то ли грабителями, то ли просто подвыпившими парнями-китайцами, решившими поиздеваться над чужеземцами.

Еще не выяснив до конца их намерений, еще только предполагая, что эти трое китайцев заговорили с ними для того, чтобы спровоцировать драку, Виктор Майнц ((Тирбахом он тогда еще не именовался) взревел, словно раненый буйвол, в мгновение ока разбросал парней и, пока двое отходили, укрываясь от ударов Курбатова, сбил с ног третьего. Оглушив, а затем схватив парнишку за горло, Виктор приподнял, прижал к каменному забору и бил кастетом до тех пор, пока не превратил лицо и верхнюю часть груди в месиво из мяса, крови, костей и останков одежды. Остальные двое бежали, пленник Виктора давно скончался, однако Майнц все еще держал его гориллей хваткой и методично наносил удары.

Вернувшись к нему, Курбатов вначале решил, что китаец до сих пор сопротивляется, но очень скоро понял: хруст, с которым наручная свинчатка Виктора врезалась в тело несчастного, крушит уже давно омертвевшее тело.

«Оставь его, уходим! – бросился к нему Курбатов. – Может появиться патруль!»

«Пожалуй, с него хватит», – согласился Майнц, взглядываясь при свете луны в то ужасное, что осталось от головы ночного гуляки. При этом голос его был совершенно спокойным: ни дрожи, ни злости, ни усталости. Какое-то неземное, адское спокойствие исходило из голоса этого гиганта. Именно оно больше всего запомнилось тогда Курбатову и потрясло его.

«Да брось же его! Он мертв», – схватил ротмистр Майнца за руку.

«Не могу, – неожиданно проговорил Виктор, бессильно глядя на князя. – Погоди. Нет, в самом деле, не могу. Помоги разжать пальцы».

Сам Виктор ухватился правой рукой за свой большой палец, Курбатов впился ему в кисть, но даже вдвоем они с большим трудом сумели разжать конвульсивно сжавшиеся на горле противника пальцы, уже давно проткнувшие кожу и врезавшиеся в ткани и вены гортани.

«Мерси, ротмистр, – с тем же леденящим душу спокойствием поблагодарил Майнц, когда они довольно далеко отбежали от места схватки. Вытянутую, окровавленную руку он все еще держал перед собой, будто продолжал сжимать горло врага. – Если бы не вы, пришлось бы крушить эту пададь до утра».

Неизвестно почему, но сейчас, когда Курбатов видел стоявшего перед ним невозмутимого подпоручика Тирбаха, ему вспомнилась именно эта ночная схватка, которая, собственно, и сдружила их.

– Не думаю, чтобы это означало отмену рейда, – добавил барон после непродолжительной паузы. – Хотя японцы могут, конечно, усомниться в его целесообразности.

– Усомниться в том, что мы способны перейти границу? Или в том, что способны и впредь молча терпеть их преступное бездействие?

– В любом случае отказываться от визита мы не можем.

– Это уж само собой. Долг вежливости.

* * *

Родзаевский даже не стал принимать Курбатова в своем кабинете. Он встретил машину у подъезда штаба белоказачьей армии, молча кивнул в ответ на приветствие ротмистра и, усевшись рядом с водителем, а Курбатову указав на заднее сиденье, распорядился:

– В японский штаб.

Несколько минут они ехали молча. Курбатов решил не беспокоить фюрера никакими излишними вопросами, но полковник сам не сдержался.

– Почему не интересуетесь, что произошло, ротмистр? – спросил он, забросив руку на спинку водительского сиденья.

– Не думаю, чтобы могло произойти что-то серьезное. Но если все же произошло... Словом, жду приказа.

– Исимура¹⁵ вызывает. Начальник разведотдела Квантунской армии полковник Исимура. Не ясно, почему он вдруг занервничал. У меня создалось впечатление, что японцам не все нравится в нашем рейде.

¹⁵ На суде генерал Семенов признал, что еще в 1937 году, во время встречи с тогда еще подполковником Исимурой, начальником второго отдела штаба Квантунской армии, была достигнута договоренность, согласно которой все сведения, добываемые белоказачьей разведкой, будут передаваться японцам. Тогда же Исимура предложил готовить военные отряды русских для совместного вторжения на территорию России.

– Очевидно, им доложили, что, хотя официальная версия цели рейда – заброска группы в... – Курбатов красноречиво взглянул на водителя, услышал от Родзаевского: «свой», однако город все же назвать не решился, – а также инспекция нескольких старых диверсионных точек. На самом же деле конечная цель несколько иная.

– Уверены, что знаете, какая именно? – ошарашил его фюрер-полковник.

– Уже не уверен.

– Для нас конечная цель – замысел атамана.

– ...Суть которого мне пока что неизвестна. Тогда, как вы представляете себе мою беседу с Исимурой?

Родзаевский долго молчал.

– Окончательные инструкции вы получите только на диверсионной базе, непосредственно перед выступлением. В этом смысл нашей тактики. К сожалению, я не смог связаться с атаманом, а должен сообщить вам, что Исимура – его давнишний знакомый. Однако мне не ясно, насколько откровенными были их беседы. И вообще происходили ли они в самое последнее время.

– Понятно: окончательные инструкции я получу лишь на базе, – кивнул Курбатов. Сложности взаимоотношений штаба русской армии с японской разведкой его не интересовали. – Для Исимуры этого будет достаточно.

– Загадкой остается – почему он вдруг пожелал видеть вас, ротмистр?

– Наверное, захотелось усложнить мне жизнь в России.

– Она и так будет не из легких, уж поверьте мне, князь. Вы не представляете себе, что там за режим. Слежка друг за другом, доносы. Любой появившийся незнакомец – сигнал для десятков платных и добровольных доносчиков.

– Создается впечатление, что все режимы одинаковы: что в России, что в Германии, что здесь, на земле, оккупированной японцами.

– Опасные выводы, – покачал головой Родзаевский. – Смелые, но опасные. Хотите покаяться, изменить мнение о себе.

– Мнение о себе я сумею изменить, лишь ступив на землю России. Вы же измените его, только получив первые донесения.

Устало взглянув на Курбатова, Родзаевский отвернулся и несколько минут сидел молча, глядя куда-то перед собой. Ротмистр заметил, как побагровела его худощавая, сплетенная из выступающих бугристых вен шея.

– Хочется надеяться, ротмистр, хочется надеяться. Я ведь всегда считал вас одним из офицеров, наиболее преданных идее национал-социализма. Одним из наиболее надежных членов «Российского фашистского союза». Человеком, нацеленным на то, чтобы изменить мир.

«А ведь, кажется, он действительно усомнился во мне, – удивленно признал Курбатов. – Достаточно было одной откровенной фразы. Ну что ж, фюрер-полковник остается верен себе».

– Вспомните, как сложно и неброско начинал свой путь в идее национал-социализма Гитлер. В каких условиях, в тюремной камере, создавал свой основной труд. Как боль души, ложились его раздумья на страницы выдающейся исповеди «Четыре с половиной года борьбы против лжи, глупости и трусости»¹⁶. Лжи, глупости и трусости, князь Курбатов. Так вот, мы с вами для того и основали свой союз, чтобы не дать славянской нации окончательно погрязнуть во лжи, глупости и трусости. Основали, заметьте, здесь¹⁷, неподалеку от Тибета и Гималаев, где нашли приют вышедшие из Атлантиды Великие Посвященные – арии. И откуда возшло, озаряя знамена белой цивилизации, бесконечное колесо веры Бомпо.

¹⁶ «Четыре с половиной года борьбы против лжи, глупости и трусости» – таковым было первое название книги Адольфа Гитлера, известной как «Майн кампф» («Моя борьба»).

¹⁷ Имеется в виду свастика.

– Извините, господин полковник, но с трудами и философскими взглядами Гаусгоффера¹⁸ и Блаватской я знаком достаточно хорошо.

– Разве я в этом сомневаюсь? – вновь оглянулся Родзаевский, озаря аристократическое лицо благородной салонной бледностью. – Разве посмел бы усомниться в этом, князь Курбатов? Сейчас я веду речь не о ваших знаниях, а о ваших убеждениях. О вере.

– Вы правы, – мрачно согласился ротмистр, задумчиво помолчав перед этим. – Я почему-то больше заботился о закалке тела, а не духа.

– Искренность ваша похвальна. Отбросьте все лишнее. Вы, Курбатов, именно вы и есть тот сверхчеловек, к идеалу которого стремимся все мы, арии. Взгляните на себя. Соизмерьте свою силу, свой интеллект, духовные возможности... Вы не имеете права погубить себя рутинной обыденного бытия, князь. Вы созданы для великой идеи. Приходится сожалеть, что до сих пор прозябаете здесь, на азиатских задворках, вместо того, чтобы блистать во дворцах европейских столиц, потрясая Европу своей храбростью. Кажется, я знаю человека, с которым вы обязательно должны подружиться, который поймет и воспримет вас, как никто другой.

– Мне известно его имя?

– Имя да – известно. Я имел в виду штурмбаннфюрера СС, личного агента фюрера по особым поручениям Отто Скорцени, который в свое время блеснул в Вене, затем немного поулег, но сейчас о нем, похоже, опять вспомнили. Теперь он возглавляет диверсионную школу, расположенную неподалеку от Берлина, в старинном рыцарском замке Фриденталь, а также руководит отделом диверсий Главного управления имперской безопасности. Словом, наш с вами коллега.

– Попытаюсь встретиться с ним, – охотно согласился Курбатов, довольный тем, что фюрер-полковник оставил в покое его персону.

– Простите, что вмешиваюсь в разговор, – неожиданно подал голос доселе молчавший шофер. – Если я не ослышался, вы, князь, упомянули имя генерала Гаусгоффера, поклонника Игначия Лойолы, к тому же прекрасно владеющего истинами буддизма.

– Не ослышались, – сухо подтвердил Курбатов, недовольный тем, что водитель тоже решил продемонстрировать свою осведомленность.

– Хотел бы предупредить, что полковник Исимура прекрасно знаком с работами Гаусгоффера и нередко цитирует их.

– Вот за эту подсказку спасибо.

– И даже уверен, что генерал и философ Гаусгоффер показывает всем нам, европейцам, пример того, как следует постигать философию Востока. Путем, которым прошел в формировании своего сознания этот белый, должны пройти все остальные германцы, все арийцы. Кстати, любопытная деталь: себя, как и остальных японцев, Исимура тоже считает арийцем. Чтобы оправдать этот свой «японский ариизм», он даже придумал целую теорию. Или, может, позаимствовал у кого-то.

«Странноватый какой-то водитель у нашего фюрер-полковника, – решил для себя Курбатов. – Не каждый день встретишь шоферу, рассуждающего об идеологах фашизма и японском ариизме».

– Гитлера больше всего раздражает именно то обстоятельство, что цыгане имеют куда больше оснований величать себя арийцами, нежели германцы, – заметил Курбатов.

Водитель на мгновение оглянулся и рассмеялся. Он прекрасно понял, что хотел сказать этим белокурый красавец князь.

– В любом случае будьте готовы к тому, что Исимура вспомнит о Гаусгоффере.

¹⁸ Генерал Карл Гаусгоффер – профессор, предсказатель, один из идеологов фашизма. Существует мнение, что именно он, человек, много путешествовавший по Азии, изучивший японский язык и тибетскую культуру, изобразил свастику в качестве символа фашизма. В 1946 году он покончил жизнь самоубийством, соблюдая при этом ритуал самураев, то есть способом харакири.

– Или попытайтесь напомнить об этом немце, Скорцени, особенно если почувствуете, что ваш разговор почему-то не складывается, – добавил Родзаевский.

– Не сложится, так не сложится, – вольнолюбиво, словно борец перед выходом на ковер, повел плечами Курбатов.

– Вы не обращайте внимания на то, что у него, – притронулся Родзаевский до плеча водителя, – всего лишь погоны унтер-офицера. На самом деле он у меня пребывает в чине капитана. Кстати, один из лучших моих разведчиков.

– Вот оно как оборачивается?!

– Это я к тому, что мой водитель порывается идти в рейд вместе с вами.

– Предвидится безумно погибельный рейд, господин капитан, – молвил ротмистр, – поэтому не советую.

– Но ведь вы-то согласились идти в него, и даже приняли командование группой.

– Я – диверсант, причем не только по военной профессии своей, но и по самой натуре. В этом мое призвание.

– Впервые встречаю в нашей армии офицера, который считает себя прирожденным диверсантом, а в безумно погибельных рейдах видит свое призвание.

– Теперь вы будете знать, что существует и такая порода людей, – холодно заметил Курбатов.

11

Однако встретиться Курбатову пришлось не с Исимурой, а с подполковником Имоти. Рослый, под метр девяносто – что среди офицеров-квантунцев наблюдалось крайне редко, – крепкого, сибирского телосложения, с почти европейским лицом, в чертах которого едва угадывались восточные штрихи, он вообще мало напоминал японца. А подчеркнуто правильный русский язык Имоти мог сбить с толку кого угодно.

– По матери я – коренной сибиряк, по отцу – японец, – сразу же раскрыл секрет своего происхождения подполковник, освещая отдельный кабинет в ресторанчике хищновато желтозубой улыбкой. – Поэтому, князь, можете считать меня русско-японцем, или японо-русским, как вам удобнее.

– Вообще-то мне удобнее было бы считать вас просто русским. Но в данном случае вы как русский устраиваете меня даже в японской оправе.

– Хотя ваши собственные корни уходят в Украину и, очевидно, в Татарию. Хотя по типу лица к татарам вас причислить трудно.

– Исходя из вашего лексикона, меня следует воспринимать как татаро-украинца или украино-татарина, – добродушно согласился князь. – Однако воспринимаю себя славянином. Тем более что на самом деле в роду моем начиналось все не с татар, а с половцев.

– Которых все большее число ученых причисляет к арийцам и даже к славянам, – кивнул Имоти. – Однако полковник Исимура считает вас человеком с корнями, углубляющимися в родословную великого Чингис-хана или кого-то из его ближайшего окружения.

– Даже не смею высказывать удивления. Тем не менее весьма польщен.

Они уселись за низеньким столиком, по-восточному скрестив ноги, и с минуту выжидающе смотрели друг на друга.

– Вы сказали: «Воспринимаю себя славянином», – напомнил Имоти. – Полковник Исимура, которого имею честь представлять здесь, учел это. Он терпимо относится к национализму русских, если только этот национализм выдержан в рамках благоразумия.

– В данном случае в рамках, господин подполковник. Что заставило вызвать меня из казармы? Слушаю вас.

Имоти отметил про себя, сколь независимо держится ротмистр, но тотчас же вспомнил: «Так ведь князь же!». Да и чувства раздражения независимость Курбатова у него не вызвала. Это чистокровных японцев коробит и бросает в гнев любая «недостаточность чинопочитания», его же, полусибиряка, чаша сия миновала.

К тому же Имоти знал, что имеет дело с одним из лучших диверсантов русских. И что очень скоро этот человек поведет группу маньчжурских стрелков в «рейд смертников», как именовали теперь операцию семеновцев в штабе Квантунской армии. Рейд, из которого вряд ли кто-либо сумеет вернуться.

– Только откровенно, князь: вы действительно рассчитываете достичь границ Германии, причем идти к ним, как подобает истинным диверсантам?

– Значит, вам уже сообщили, что группа пойдет к Германии? – неприятно удивился Курбатов, разочарованный тем, что сохранить цель рейда в тайне Семенову так и не удалось.

– Держать такое втайне от японской разведки?! Тем более что акция не ущемляет интересы Страны восходящего солнца.

– Ну, секретность больше относилась к сталинской разведке.

– Нет, это было бы неблагоразумно, – не воспринял его оправдания Имоти. – Так вы действительно надеетесь достичь стен рейхсканцелярии фюрера?

– Готовлюсь как к самой важной в своей жизни операции.

– ...Которая, в случае успеха, принесет вам славу. А в разведывательно-диверсионных кругах всего мира, в истории разведки – даже бессмертие.

Говоря что-либо, подполковник слегка запрокидывал голову и закрывал глаза. Словно произносил слова клятвы, молитвы или просто наслаждался собственным слогом. Скорее всего, наслаждался...

– Славолюбие больше присуще людям искусства. Что же касается диверсантов, то их спасение, как впрочем, и величие, – не в великой славе, а в великой безвестности.

– Прекрасно сказано, князь: «Величие диверсанта в его великой безвестности»! – И Курбатов обратил внимание на то, что так радостно и громогласно ни один японский офицер реагировать на его слова не стал бы. Все-таки выпирала в этом японце русская, казачья душа, выпирала, как бы он ни старался при этом «объяпониваться». – Однако хватит об этом. Вам приходилось слышать что-либо о таком генерале – Андрее Власове?

– Генерал-лейтенант Красной армии. Перебежчик. Находится в Германии. Сколачивает Русскую освободительную армию. Что бы я ни сказал о нем дальше, все равно обнаружится, что больше, чем знает японская разведка, знать не могу.

Бесшумно появился карликового роста японец-официант. Очевидно, владелец ресторана специально подобрал такого официанта, который смог бы ставить блюдо на низенький столик, почти не нагибаясь.

– Японскую разведку больше всего интересовал тот факт, что какое-то время Власов находился здесь, в Китае.

Курбатов так и не смог привыкнуть к священной для японцев саке, которую казаки называли не иначе, как «ослиной мочой». Рисовая водка всегда вызывала у него аллергическое отвращение. Но все же, как и подполковник, он отпивал ее мелкими, почти неощутимыми глотками, ибо не питье это было, а церемония застольной беседы.

– О том, что Власов служил в Китае, слышу впервые, – признался Курбатов. – То есть он воевал на стороне китайцев против вас?

– О Власове здесь мало кто мог слышать, поскольку скрывался он под псевдонимом Волков. Воевать не воевал, но инструктировал. Сначала всего лишь читал лекции, наставляя чанкайшистских командиров по части тактики, затем какое-то время числился начальником штаба советского генерала Черепанова, то есть главного военного советника Чан Кайши. Ну а весной 1939 года его направили советником к губернатору провинции Шанси генералу Янь Сишаню.

– Которому пророчили будущее диктатора Китая, – решил проявить хоть какое-то знание ситуации той поры Курбатов.

– Сам-то он видел себя императором, однако Власова к нему подослали не для того, чтобы тот помог ему взойти на трон. Умысел состоял в том, что Власов должен был убедить Янь Сишаня объединить подчиненные ему войска с войсками армии Чан Кайши. Точнее, поддержать действия Чан Кайши против японской императорской армии. Особых успехов на этом поприще Власов, конечно, не достиг. Тем не менее после отзыва Черепанова в Москву его сделали главным советником Чан Кайши.

– Вот оно что! Оказывается, не такой уж он серый полевой генералишко, каким мог бы показаться.

– Меня удивляет, князь, что, готовя к «походу на Берлин», ваши наставники столь скупко информировали вас о Власове.

– Возможно, потому что сами информированы были столь же скупко.

– Не может такого быть. Мы предоставляли генералу Семенову и полковнику Родзаевскому довольно полную информацию.

– Значит, остается другое объяснение: атаман Семенов не стремится налаживать связи с бывшим большевистским генералом, отдавая предпочтение генералам Краснову и Шкуро. Да и

то лишь потому, что Деникин решительно отошел от дел и, чтобы не сотрудничать с немцами, бежал из Франции за океан.

– То есть вас, князь, ко встрече с генерал-лейтенантом Власовым вообще не готовили? Я верно понял?

– Однако же мне не было запрещено встречаться с ним, – попытался Курбатов хоть как-то спасти в глазах Имоти репутацию своего атамана. – Впрочем, к генералу Краснову у меня тоже особых поручений не было. Разве что должен был передать ему привет от генерал-атамана Семенова.

– В чем же тогда заключается истинная цель вашего рейда?

По тому, как напрягся Имоти после этого вопроса, и как замерла у его губ чашечка с саке, ротмистр легко определил, что именно этот вопрос является для него основным. В квантунском штабе так и не смогли прийти к единому мнению о том, что Семенову понадобилось в Берлине, с какой стати он решил отправить туда группу диверсантов. И то, что отправлял он ее не какими-то мирными окольными путями, а самым опасным и кровавым путем – через всю Совдепию, заставляло японскую разведку еще пристальнее присматриваться и к Семенову, и к нему, Курбатову.

– Вообще-то об этом лучше было бы спросить у самого генерал-атамана.

– Спросим, – отрубил Имоти, сурово опуская уголки тонких, почти не выделявшихся губ. – Но теперь мы спрашиваем вас, ротмистр.

Такого поворота беседы Курбатов не ожидал. Он полагал, что коль уж японцы знают о его группе «маньчжурских стрелков», то значит, они знают о ней все. Поэтому теперь перед ним встал вопрос: а что именно знают о цели рейда маньчжурских стрелков на Берлин? Прежде всего его интересовало: знают ли японцы о письме Семенова фюреру Германии, которое он должен был донести до Берлина? Поскольку именно на этом секретном задании атамана Имоти может проверять его сейчас на «лояльность к императору Хирохито». И кто знает, с какой суровостьюотреагируют японцы, если вдруг убедятся, что он недостаточно лоялен к их земному богу?

– Не уверен, останется ли доволен моим объяснением сам атаман Семенов...

– Останется, – выпалил, словно рубанул мечом самурайским у ротмистра над головой, подполковник.

– Если кратко, то лично мне ситуация видится таковой: атаман решил, что о нем основательно забыли и в России, и в белоэмигрантском мире. В своих публичных заявлениях и газетных статьях Краснов и его люди делают вид, что ни атамана Семенова, ни его армии попросту не существует. Притом, что именно ему была передана адмиралом Колчаком верховная власть в Сибири и на Дальнем Востоке, что только он сумел сохранить боевое знамя борьбы против коммунизма еще со времен Гражданской войны. Так вот, рейд отряда маньчжурских стрелков через всю Совдепию, по тылам красных, с боями и диверсиями, от Маньчжурии – до линии фронта с Германией... Он как раз и должен напомнить всем, в том числе обоим – в Москве и Берлине – фюрерам, о том, что белоказачья армия генерала Семенова жива; что она боеспособна и в любое время готова выступить на борьбу с коммунистами. Я достаточно убедителен в своих объяснениях, господин подполковник? – решительно поинтересовался Курбатов, давая понять, что никаких других объяснений попросту не последует.

12

Имоти вновь запрокинул голову и несколько минут сидел так, погруженный то ли в глубокие раздумья, то ли в бездумное самосозерцание.

Князь в этот процесс предпочитал не вторгаться, поэтому терпеливо ждал, каковой же будет реакция «русско-японца» на его просветительскую речь.

– Атаман очень недоволен тем, что Квантунская армия до сих пор не предприняла активных действий против Красной армии, – не спросил, а скорее констатировал Имоти.

– Можно сказать и так, что бездействие японской армии на русской границе давно приводит его в ярость.

Ротмистр помнил, что атаман неоднократно выказывал свое неудовольствие и старшим японским офицерам, и командованию Квантунской армии, поэтому не опасался, что своим откровением может навредить ему. В то же время рассчитывал, что такая резкость укрепит доверие подполковника японской разведки к нему самому. И не ошибся.

– Знаю, приводит... – подтвердил Имоти и, улыбнувшись, добавил: – Эта его ярость всегда потешает японских генералов. Причем потешает по двум причинам. Во-первых, они говорят: «Семенову хорошо, у него над головой не висит портрет русского императора, а над нашими головами он висит. Причем рядом с карающим императорским мечом». А во-вторых, они очень скептически относятся к боеспособности его белоказачьей армии и уверены, что большинство казаков то ли в первых же боях погибли, то ли разбегутся по даурским станицам, чтобы потом сдаться красным или попросту перейти на их сторону.

– Семенов так не думает. Он уверен, что как только его части окажутся на территории Даурии, они станут пополняться казаками, недовольными советской властью.

– В таком случае он плохо представляет себе, на кого может рассчитывать в даурских станицах и дальневосточных поселениях. Все боеспособные мужчины находятся под ружьем у красных. Поэтому его реальный резерв – это казаки, армейский ресурс которых исчерпан был еще в тридцатые годы.

Вновь появился карликоподобный официант, однако на этот раз кроме графинчика с sake он поставил на стол чашечки с рисом, а также чашечки с кусками любимой маньчжурами жареной конины и с какой-то зеленью.

– Не стану оспаривать, мобилизационный ресурс в даурских станицах в самом деле мизерный, – молвил Курбатов, дождавшись, пока официант исчезнет за ширмой, которая отгораживала их кабинку от пустующего ресторанный зала. – Вот только атамана убедить в этом будет трудно.

– Я бы даже сказал: невозможно. Поэтому, как видите, стараемся убеждать уже не его, а вас.

Услышав эти слова, Курбатов застыл с зажатым в зубах куском конины, удивленно уставившись при этом на подполковника.

– Но вам прекрасно известно, что никакого влияния на генерал-атамана у меня нет. Я никогда не принадлежал к людям, входящим в его дом или хотя бы в его штаб.

– Вы вообще мало знакомы с атаманом, – поддержал его Имоти. – Но именно это придает японской контрразведке уверенности, что вы не подпадаете под его властные взгляды на современный мир.

– И что из этого следует? Говорите откровенно, господин подполковник. Разговор останется сугубо между нами. И потом, не зря же вы оставили за дверью этого ресторана полковника Родзаевского. Очевидно, расчет был на очень откровенный разговор, разве не так?

– Ход ваших мыслей меня удовлетворяет, – отвесил сугубо японский поклон подполковник. Что-то, а в умении отвешивать поклоны по случаю и без случая этот японо-русский офи-

цер научился. – Нам очень хочется, чтобы вы дошли до Берлина. Чтобы облегчить ваш путь, мы дадим вам несколько наших явок, о которых в группе будете знать только вы и к помощи которых прибегнете только в самом крайнем случае.

– Постараюсь вообще не прибегать. Я решил идти не по явкам, большая часть которых давно провалена и находится под контролем советского Смерша, а по России.

– «Идти не по явкам, а по России!». Эту фразу я запомню. Так вот, для нас важно не только то, чтобы вы дошли до Берлина, а чтобы затем вернулись назад. Атаман Семенов стареет, а главное, теряет ощущение реальности. Он все еще гарцует на казачьем рысаке с нагайкой в руках, а весь мир уже забыл, что такое лихие кавалерийские атаки, лихость которых в современном бою стоит не больше, чем жизни зазря погубленных кавалеристов.

– В этом я с вами полностью согласен. Два небольших отряда хорошо подготовленных диверсантов, пущенных по тылам врага, принесут больше пользы, чем рейд двух кавалерийских дивизий.

– Пусть о вас узнает Россия, пусть вами станут восхищаться и в Берлине, и в стане генерала Краснова. Все это послужит сотворению ореола вокруг вашего имени. К тому же мы помним о вашем родовом титуле, князь. Все это дает нам возможность рассчитывать на вас как на будущего лидера русского движения. Причем не только здесь, в Маньчжурии.

Курбатов буквально опешил от откровения. Он ожидал какого угодно поворота их беседы, только не такого.

– Но вы же понимаете, что мой приход к власти вызовет раскол в белоказачьем движении Дальнего Востока.

– Если ваш приход не будет соответственно подготовлен, – да, вызовет. Но мы будем готовить его. Мы создадим такую ситуацию, при которой вам не нужно будет рваться к власти, наоборот, командование белоказаков само обратится к вам с просьбой взять бразды правления в свои руки. Как в свое время белогвардейцы обратились к адмиралу Колчаку, адмиралу, правившему в далекой от морей и флота Сибири.

– А если я откажусь от такого восхождения и предпочту стать руководителем разведывательно-диверсионной школы?

– В таком случае вы допустите такую же ошибку, какую допускает в наши дни атаман Семенов. А главное, с вашей стороны это будет выглядеть непатриотично, и даже трусливо. Поэтому я уверен, что вы сумеете утвердиться в своем намерении возглавить Белое движение за рубежом.

Курбатов прекрасно понимал, что продолжать эту полемику бессмысленно. До сих пор он никогда не ставил своей целью завладеть нагайкой атамана. Но так было до сегодняшнего дня. Имоти прав: атаман Семенов стареет, а вместе с ним стареют Бакшеев, Власьевский, Родзевский и все остальные, кто прошел в казачьих седлах революцию и Гражданскую. Поэтому вопрос о молодом офицере, который мог бы полноценно заменить Семенова, все равно рано или поздно встанет. И его придется решать быстро, бескровно и желательно бесконфликтно.

Так на кого, спросил себя Курбатов, будучи на месте Имоти, Исимуры, и всех прочих, поставил бы лично ты? Конечно же на офицера, который добыл себе славу в боях и который побывал в Европе. К тому же его знают во всех воюющих лагерях, да и титулован он княжеским достоинством, что всегда важно для восприятия истинных монархистов. Так что объективно Имоти прав.

– Я сумею утвердиться, господин подполковник.

Имоти облегченно вздохнул и, поставив перед собой чашку с саке, воинственно уперся кулаками в колени, демонстрируя свою самурайскую решительность.

– Вы поступили правильно, князь. Командование Квантунской армии будет довольно. В ближайшие дни о вас будет доложено в Токио, возможно, даже самому императору. А теперь

вновь вернемся к вашему рейду. Семенов не прав, когда нацеливает вас только на сотрудничество с генералом Красновым, игнорируя Власова. В этом его ошибка.

– Возможно, даже не ошибка, а суть его взглядов на ситуацию в Берлине и в России.

– Это похвально, что вы не стараетесь унижить своего генерала, князь, что не прибегаете к этому даже теперь, когда стало ясно, что японское командование готово отстранить его от власти. Но замечу, что, не в пример Семенову, Чан Кайши очень ценил Власова. Ценил настолько, что даже наградил золотым орденом Дракона, который, правда, – иронично ухмыльнулся Имоти, – русские коммунисты отобрали у Власова, как только он пересек границу. Вместе с золотыми наручными часами, подаренными ему женой Чан Кайши, дочерью Сунь Ятсена. Сочли, что командиру 99-й стрелковой дивизии Киевского военного округа эти чуждые советскому человеку вещицы ни к чему.

– Простите, господин Имоти, но позволю себе вопрос. Чем мы так обязаны генералу Власову, что посвятили ему столько времени?

Имоти привычно запрокинул голову и, немного помолчав, загадочно улыбнулся.

– Вы правильно все уловили, ротмистр. В том-то и дело, что для нас очень важно, чтобы Власов узнал, причем узнал именно от вас, как много внимания уделяют ему в штабе Квантунской армии. – Имоти достал из нагрудного кармана несколько небольших листиков и положил их перед Курбатовым. – Здесь вы найдете всю биографию Власова, в малейших ее подробностях. Вы должны будете изучить ее, дабы у генерала не оставалось сомнения, что вас очень старательно готовили к встрече с ним. Это произведет должное впечатление.

– То есть с этой минуты я могу считать, что выполняю задание японской разведки?

– Японского военного командования, князь, японского командования. Генерал Власов так и должен быть информирован. Это имеет принципиальное значение. Для вас слишком унижительно было бы предстать перед германским командованием всего лишь в качестве агента японской разведки. С нынешнего дня вы имеете все основания считать себя посланником японского командования в Китае и Маньчжурии.

– Понятно. Нужно выдерживать определенный уровень.

– Если атаман Семенов не желает видеть во Власове своего союзника – это его личное дело. Нам он, однако, нужен. Причем важна любая форма сотрудничества с Власовым и его людьми, его агентурой. Нас вполне могут устроить сотрудничество на уровне разведок, взаимная подготовка в специальных школах и рейдовая поддержка диверсионных отрядов, а еще – его агентура в России вообще, и за Уралом в частности.

– Вот теперь многое проясняется.

Презрев японскую церемониальность, подполковник одним плотком опустошил свою крохотную чашечку и, упираясь руками о краешек стола, подался к Курбатову.

– Власов привлекателен для нас по многим позициям. Он хорошо знает наши края. Он даже немного владеет китайским и японским языками. Старые воспоминания помогут генералу по-иному взглянуть на ситуацию в Маньчжурии и пересмотреть отношение к Японии. А если случится, что Германия потерпит поражение, что, исходя из положения на фронтах, совершенно не исключено, мы даже готовы будем принять Власова с частью войск здесь, у себя на Дальнем Востоке.

– Так-так, это уже интересно, – оживился Курбатов. – Это уже серьезная тема для разговора с Власовым.

– Его армию можно было бы погрузить в одном из портов Югославии или Греции и перебросить в Турцию, а уж оттуда через Персию...

– Не могли бы вы чуть яснее очертить мою роль, господин подполковник. Уполномочен ли я вести с Власовым хотя бы предварительные переговоры от имени японского командования, а значит, и правительства?

– Кажется, вам не очень по нутру миссия дипломата?

– Мне нужна ясность, – твердо потребовал Курбатов.

– Вам, князь, – Имоти всячески подчеркивал, что видит перед собой не ротмистра, но князя, – надлежит подготовить Власова к мысли о возможных переговорах с японским командованием. Выяснить его отношение к сотрудничеству с нами; его видение своей личной судьбы и судьбы Русской освободительной армии в случае окончательного поражения германской армии, которое, по нашим данным, уже неизбежно.

Подполковник еще несколько минут терпеливо вводил Курбатова в его новую роль, и все это время ротмистр сосредоточенно разжевывал жестковатую, приправленную острыми специями конину. Казалось, к инструкциям Имоти он не проявляет абсолютно никакого интереса. Но и подполковника не очень-то волновало отсутствие у ученика хотя бы видимости прилежания. Он, как и прежде, говорил все это, запрокинув голову и прикрыв глаза, но при этом еще и сцепил пальцы рук.

Теперь Имоти действительно похож был на фанатично молящегося монаха. Курбатова это откровенно сместило, хотя он и пытался сохранять маску почтительной серьезности.

– Но учтите: вам придется довольно долго ждать моей информации, – перебил он подполковника в самом неподходящем месте. – В Берлине я ведь буду без радиста.

– Не волнуйтесь, – в том же меланхолическом тоне успокоил его Имоти. – В Берлине вы вступите в контакт с одним нашим человеком. Мы подскажем, как его разыскать.

– Это уже кое-что конкретное.

– Он передаст вам значительную сумму в марках еще до того, как вы найдете подходы к Власову. И такую же сумму после ваших бесед с генералом. Бесед, князь, бесед. Не думаю, чтобы этот гитлеровец так сразу согласился с мыслью, что Германия неминуемо потерпит поражение, а миром будет править Япония. А что касается вас, то мы привыкли хорошо оплачивать услуги людей, которые нужны Великой Японии.

– Считаете, что когда-нибудь мы доживем и до такого мироздания? – не сумел скрыть своего сарказма Курбатов.

Имоти недобро сверкнул глазами, но как истинный японец, мгновенно погасил в себе вспышку гнева и подчеркнуто вежливо, почти угоднически улыбнулся.

– Вместе со второй суммой денег вы получите все необходимые инструкции по поводу ваших дальнейших действий, князь.

– То есть, получив инструкции, я уже могу считать себя завербованным? – ответил ему той же улыбкой Курбатов.

– Почему «завербованным»? – вдруг отвлекся от своей зауспокойной молитвы подполковник. И даже внутренне встрепенулся. – Мы-то ведь и готовили вас в специальной русской школе как агента японской разведки. Как японского диверсанта.

Курбатов рассмеялся, однако оспаривать не стал.

– Да, атаман Семенов выделил для поддержания этой разведывательно-диверсионной школы кое-какие средства из своего «сибирского золотого запаса», но этого было слишком мало, поэтому основные расходы несет японское правительство.

– Ни для кого не является секретом, что без помощи японского правительства существование армии Семенова было бы невозможным.

– Я понимаю: европейцу, к тому же дворянину, всегда трудно смириться с тем, что нужно служить азиатам. Но мой вам совет, – наклонился подполковник к Курбатову. – Пусть вас это не смущает. Будьте прагматичнее. Для германцев мы союзники. Наши агенты разбросаны по всему миру. Так что заступничество Японии всегда может пригодиться. Тем более что пока вы будете наслаждаться германским пивом, мы позаботимся, чтобы у вас появился японский паспорт с отметкой о японском гражданстве.

– Согласен, когда-нибудь это действительно может иметь значение, – вновь обрел угрюмую серьезность Курбатов.

– Думаю, германцы тоже не откажутся от мысли завербовать вас. Как, впрочем, и красные, если только попадете к ним в руки.

– Ну, для красных предпочтительнее будет распять меня на кресте. Все остальные, не сомневаюсь, попробуют вербовать. А что: «агент всех разведок мира ротмистр Курбатов»? Звучит заманчиво. А чтобы завершить наш разговор... Объясните мне, как полурусский-полуяпонец объясните: почему Япония до сих пор не вступает в войну с Совдепией? Не из праздного любопытства спрашиваю об этом, а потому, что этот же вопрос мне будут задавать сотни раз, на всем пространстве от Амура до Рейна.

– Почему не вступила и как скоро вступит? – воинственно оскалился Имоти.

– Вот именно: как скоро?

– Так вот, я скажу вам как русский русскому, и можете пронести эту тайну через все границы. Мы не станем выяснять сейчас, почему император Хирохито не отдал приказ о начале боевых действий против Союза в сорок первом, когда это действительно имело смысл. Это вопрос сложный, причем не столько военный, сколько политический. И не нам здесь, в Маньчжурии, сейчас его решать. Но что касается нынешней ситуации, то Япония не только не намерена воевать с Россией, но и пытается убедить Германию заключить с Москвой мир, чтобы таким образом спасти рейх от полной гибели. Именно такое решение принято недавно на тайном императорском совете, в который кроме самого императора входят премьер-министр, принц Коноэ, начальник Генштаба Сугияма и другие влиятельные особы. При этом они заслушали доклады министра иностранных дел, военного министра, начальника разведывательного отдела Генштаба полковника Мацумуры и начальника кемпейтая¹⁹.

– Япония убеждает Германию заключить мир с Россией?! – приподнялся Курбатов от удивления. – Но это невероятно! Вы отдаете себе отчет, господин подполковник?..

– Отдаю, князь, отдаю. Мы ведь с вами условились говорить друг с другом, как русский с русским, то есть откровенно, без всякой азиатчины. Для нас очень важно, чтобы Германия как мощная держава уцелела и еще какое-то время угрожала западным границам Союза. Вместе с тем, заключив мир с Россией, рейх станет более серьезным соперником Америки и Британии. Это, в свою очередь, подтолкнет янки к перемирию с Токио, что даст ему возможность разобраться со своими азиатскими делами.

Какое-то время Курбатов смотрел на Имоти с полуоткрытым ртом.

– Лихо, – только и смог выдохнуть он, покачав головой. – Лихо «воюют» ваши дипломаты. А тысячи казаков атамана Семенова дремлют прямо в седлах, ожидая, когда же поступит приказ наступать на позиции красных.

– Уж поверьте мне, ротмистр, нам, разведчикам и диверсантам, есть чему поучиться у наших дипломатов.

¹⁹ Кемпейтай – японская контрразведка.

13

Без пятнадцати семь группа маньчжурских стрелков была построена. Десять диверсантов и проводник группы стояли на продуваемом холодными ветрами взгорье, рядом с обнесенным высокой каменной оградой домом лесника, больше похожем на форт, нежели на обычное мирное жилье.

Впрочем, человек, возводивший его, отлично понимал, что ему предстоит жить жизнью отшельника. И что в этой каменно-лесистой пустоши одинаково опасны и зверь, и бежавший из тюрьмы уголовник, и шайки контрабандистов, издревле промышлявшие здесь, на стыке маньчжурской, монгольской и русской границ. Потому и строил дом из больших диких камней, оставляя в каждой стене по узкому окну-бойнице, да к тому же не поленился обвести ограду широким рвом.

Однако все эти предосторожности так и не спасли лесника-отшельника: он погиб в перестрелке с контрабандистами, заподозрившими его в сотрудничестве с пограничниками. Зато усадьбу сразу же облюбовала японская разведка, использовавшая ее теперь в качестве своеобразных перевалочной и тренировочной баз. Именно сюда, на Черный Холм, возвращались диверсанты после недельного испытания на выживаемость в лесистых сопках, и отсюда же многие из них отправлялись потом в Монголию или Россию.

Японцы обживались здесь основательно. Рядом с усадьбой они построили казарму, в которой находилась рота солдат, а также дом для офицеров и небольшой тренировочный полигон, укрыв все эти строения от посторонних глаз высокой каменной стеной. А на территории самой усадьбы возвели некое подобие гостиницы, в которой отдельно от японских солдат могли отдыхать перед очередным рейдом русские разведчики и диверсанты.

Командир маньчжурских стрелков ротмистр Курбатов медленно обходил строй, останавливаясь возле каждого из бойцов. Это был своеобразный ритуал. Если кто-либо из диверсантов пожелал бы отказаться от участия в рейде, он должен был решиться на этот «шаг бесчестия» прямо сейчас, в эти минуты, поскольку потом, когда они сойдут с Черного Холма, уже будет поздно. Потом из группы можно будет уйти только в небытие.

Впрочем, все, кто стоял сейчас в этой группе, тоже прекрасно понимали, что уходят не просто за кордон, но и в небытие, потому что шансов вернуться сюда, на эту базу, практически не было. Ни у кого. Но это как перед сабельной атакой: да, там, в этой сече с преобладающим противником, – смерть. Зато есть возможность пронестись несколько сотен метров с шашкой наголо, привстав в стременах, на полном аллюре, как и подобает лихому казаку, и... была не была!

И вот они, все десять маньчжурских стрелков, – перед ним, ротмистром Курбатовым.

Первым стоит флегматичный, с печатью вечной, смертельной какой-то усталости на лице поручик Конецкий, до этого успевший дважды побывать в рейдах по территории Даурии.

– Как ваша левая, поручик. Кажется, все еще не отошла после ранения?

– Я стреляю с правой, ротмистр.

– Твердо решили идти?

– Иначе не стал бы в строй.

Курбатов задержал взгляд на рукаве его красноармейской гимнастерки, под которым заметно проступала опухлость бинта. Конецкий был ранен месяц назад, во время стычки с красными пограничниками, когда в составе другой группы в третий раз пытался попасть на ту сторону. Ранагноилась и, несмотря на то, что хирург дважды прочищал ее, заживала долго и тяжело.

И все же поручик уговорил Курбатова взять его с собой. Уговорил, несмотря на то, что честно признался: за кордон его гнала не жажда сражаться с красными, хотя во время преды-

дущих рейдов сражался умело и яростно, а буквально замучившая его ностальгия: «Хоть шаг ступить по земле, зная, что она твоя, русская!».

На возвращение сюда, в Маньчжурию, Конецкий не рассчитывал. Он устал от военной жизни, от эмиграции, от ностальгии и хотел только одного – чтобы его похоронили на русской земле как русского солдата. Буквально вчера, в разговоре с Курбатовым он так и сказал: «Я стал смертником не потому, что вошел в группу маньчжурских стрелков смертников, а потому, что не желаю уходить из этой жизни самоубийцей».

Встретив взгляд Курбатова, проводник группы поручик Радчук растерянно улыбнулся. Он помнил о своей просьбе представить его к чину штабс-капитана и все дни подготовки к рейду побаивался, как бы командир не проговорился об этом кому-либо из офицеров. Хлопотать о своем повышении в чине среди офицеров армии Семенова традиционно считалось самым позорным занятием. Хотя конечно же многие тайком хлопотали.

Третьим стоял самый старший из всех по возрасту, успевший повоевать еще в войсках атамана Анненкова, штабс-капитан Иволгин. Это был его первый диверсионный рейд, однако держался он уверенно, не вызывая у Курбатова никаких сомнений.

– Насколько я помню, вы твердо решили дойти до Волги, поручик?

– И во что бы то ни стало дойду, князь Курбатов. Давно вынашивал мысль поднять восстание на Поволжье, где сначала воевал, а затем партизанил еще в Гражданскую.

Курбатов внимательно присмотрелся к выражению его лица, осмотрел экипировку. Узкий сплюснутый лоб, приземистая, плотно сбитая фигура, короткие руки с толстыми, крестьянски узловатыми пальцами...

«Руки!» – вдруг вспомнил он, зная, что уже нескольких белых офицеров выдавали за рубежом их аристократически нежные, выхоленные за годы мирной эмиграции руки. Вся группа его состояла из офицеров, поэтому в ходе подготовки к рейду Курбатов специально заставлял их рыть – без традиционных офицерских перчаток – окопы, смачивать в воде и держать кисти рук на ветру; натирать лопатами мозоли и исцарапывать пальцы о кусты терновника. Это входило в программу не только закалки, но и своеобразной маскировки. Правда, Иволгину, как и ему самому, выпало идти по России в форме красноармейского капитана, однако среди красных офицеров аристократы-белоручки уже давно не встречались. Впрочем, у Курбатова в отличие от некоторых других стрелков руки уже давно приобрели истинно пролетарский вид.

– Штаб-ротмистр²⁰ Чолданов! – громко, как на смотровом плацу, представился очередной стрелок, облаченный в форму рядового красноармейца.

– Вы мечтали стать диверсантом, штаб-ротмистр?

– Так точно, господин ротмистр.

– Так вот она сбывается, ваша мечта! – кивнул он в сторону границы.

– Так точно, сбывается.

– Тогда в чем дело? Не чувствую энтузиазма.

– Попытаюсь проявлять его в бою.

– Вот это верно.

Чолданов попытался улыбнуться, однако улыбки не получилось. Курбатов чувствовал, что волнуется штаб-ротмистр, как никто другой из стрелков, но успокоил себя надеждой, что это пройдет. Князь мало что знал об этом парне, зато при каждой встрече с ним старался подольше задержать взгляд на его лице. У Чолданова было особое лицо, по которому можно

²⁰ Штаб-ротмистр – офицерский чин в кавалерии дореволюционной русской армии, средний между поручиком и ротмистром (капитаном). То же, что в пехоте и артиллерии – штабс-капитан, у казаков – подьесаул. В современной русской армии соответствующего звания не существует.

было проследить генезис степных славян, в чьих жилах славянской крови было куда меньше, нежелиполовецкой, кипчацкой или печенежской.

Подъесаул Кульчицкий. Его имение осталось где-то на правом берегу Днепра, неподалеку от Черкасс. Когда Курбатов опасался разоблачительного вида изнеженных рук, то прежде всего имел в виду Кульчицкого – холеного аристократа, зараженного неистребимым польским гонором. Для него тоже пришлось заготавливать документы лейтенанта. Выдавать его за «кухаркиного сына» – рядового – было бы сущим безумием.

Подпоручик Власевич. Манеры этого верзилы казались всем окружающим столь же грубыми и неприятными, как и его израненное фурункулами багрово-серое лицо. Зато на стрельбище равных ему не было. В поединке снайперов он мог противостоять любому таежному охотнику.

Поручик Матвеев уже стоял с рацией за спиной. Курбатов должен был оставить его на конспиративной квартире в поселке недалеко от Читы. Вместе с ним оставался и подпоручик Вознов, прекрасный взрывник. Им предстояло провести три диверсии на железной дороге и взорвать какое-нибудь предприятие. Любое, на выбор: «Для расшатывания большевистских нервов» – как объяснил Курбатову полковник Родзаевский. После этого оба могли возвращаться в Маньчжурию, оставив рацию в надежном месте для новой группы, которая должна прийти через месяц. Однако Вознов попросил ротмистра, чтобы тот взял его с собой в Германию. И Курбатов решил, что он задержит группу в районе Читы, они вместе проведут диверсии и пойдут дальше. Оставив в Чите только радиста.

Рядом с Возновым, в форме рядового красноармейца, стоял самый старший в группе по чину подполковник Реутов. Командир группы задержался возле него дольше, чем возле других, совершенно забыв, что тем самым ставит Реутова в неловкое положение. Вроде бы больше, чем всем остальным, не доверяет. А повода для этого Реутов ему не давал, уж он-то не из новичков. В армию генерала Семенова Реутов попал, добравшись до Приморья из далекой Персии. Семнадцати лет от роду он уже был унтер-офицером Дикой дивизии. Он участвовал в «корниловском» походе на Петроград, после неудачи которого бежал в Туркестан, где в чине поручика, а затем капитана служил в Закаспийской белой армии.

Несмотря на пройденную подготовку, диверсант, как показалось Курбатову, из него так и не получился. Хороший строевой офицер – это да, но не более. Однако в рейд он рвался, как никто другой. Да и Родзаевский настоял, ссылаясь на то, что Реутов успел побывать в нескольких частях России, привык к походной жизни, а главное, в трудное время может заменить командира группы.

И, наконец, последним, одиннадцатым, в этом строю стоял подпоручик барон фон Тирбах, племянник того самого генерал-майора фон Тирбаха, который в Гражданскую командовал Особой карательной дивизией армии атамана Семенова. Его отец барон фон Тирбах – промышленник, успевший обзавестись в Харбине двумя отелями и рестораном, – долгое время просто-напросто не признавал Виктора своим сыном, хотя мать – невестка как попавшая сначала в Хабаровск, а затем в Харбин прибалтийская немка, нанявшаяся гувернанткой в дом барона, – долго и упорно добивалась этого.

Отцовское благословение, вместе с фамилией, титулом барона и офицерским чином, свалились на двадцатилетнего Виктора только две недели назад. Произошло это после того, как Курбатов лично встретился с бароном в его же ресторанчике и, хорошенько встряхнув этого коммерсантишку, поставил условие: или барон признает Виктора, члена группы маньчжурских стрелков, своим сыном, и тот уходит в рейд бароном фон Тирбахом, или же он, ротмистр Курбатов, вызывает его на дуэль. На саблях.

– Зачем вам понадобилась дуэль, если вы, как я понял, из семеновской контрразведки? – рассудил барон, стуча зубами от страха. – А казачья контрразведка что хочет, то и творит.

– Я не стану ничего «творить», – объяснил ему Курбатов. – И очень хотел бы, чтобы мы уладили это дело мирно.

– Но почему, черт возьми, вы взялись за него?!

– Видите ли, сейчас Виктор Майнц – всего лишь унтер-офицер. И сын горничной. А на задание, которое мы оба получили, он должен уйти подпоручиком, бароном фон Тирбахом. Я не допущу, чтобы в моей офицерской группе оказался хотя бы один неофицер и недворянин.

– Значит, вы идете в Россию?

– Точнее, в Германию. Но если вы, барон, проболтаетесь, дуэль вам уже не понадобится.

– В Германию? – удивился фон Тирбах. – Через всю Россию?!

– Надеюсь, вы понимаете, что это тайна, за разглашение которой в армейской контрразведке язык отрывают вместе с ушами?

– Но вы действительно полагаете, что Виктор может дойти с вами до границ рейха? – уже не обращал барон никакого внимания на предостережение ротмистра.

– И даже до благословенной Богом Померании, из которой, насколько мне теперь известно, происходит весь род Тирбахов. – Только сейчас Курбатов понял, что упоминание о походе к границам рейха сработало как нельзя лучше. У барона разыгралась германская кровь.

– Но это несколько меняет дело. Если, рискуя жизнью, Виктор рвется к границам рейха, значит, он и в самом деле осознает себя германцем.

– И дворянином. А главное, дойдя до Германии, он позаботится о том, чтобы вам было куда перебраться, когда окончательно убедитесь, что Азия вам уже осточертела, – более чем вежливо убеждал барона Курбатов, понимая, что на дуэль тщедушный, подслеповатый барон все равно не согласится. – Признав Виктора, вы сразу же приобретете сына, рожденного, кстати, германкой, вашей бывшей гувернанткой, и своего наследника в рейхе. А разве для вас не важно, что с появлением в Берлине подпоручика фон Тирбаха там узнают, что вы, барон фон Тирбах, все еще остаетесь преданным сыном Великой Германии?

– Мудро-мудро. Но почему вы так хлопчете о Викторе? Мало ли в армии Семенова дворян-офицеров, способных заменить его?!

– Не хлопочу, а настаиваю.

– Тогда потрудитесь объяснить.

– Вы знаете, где обучался ваш сын?

– Вы хотели сказать, где обучался Виктор Майнц. Догадываюсь.

– Так вот, курс наук мы проходили вместе. Во время тренировок он был моим постоянным партнером. Ну и конечно же рассказал историю своей жизни. Сначала я не придавал ей никакого значения, но ситуация, как видите, изменилась, и судьба вашего внебрачного чада приобрела в моих глазах важный смысл. Остальное вам уже известно.

Долгих пять минут барон упорно молчал, шевеля губами и о чем-то бурно споря с самим собой. Курбатов старался не вмешиваться в душевную борьбу двух Тирбахов – отца и заносчивого, жадного барона, не желавшего согласиться, что единственный сын его происходит от полунемки-полулатышки, да к тому же бывшей горничной.

– ...К тому же мать его тоже почти немка, не правда ли? – решил наконец фон Тирбах.

– Направляясь к вам, барон, я исходил именно из этого. Судя по словам Виктора, его мать – прибалтийская германка, с латышско-германскими корнями.

– Хорошо, уговорите Виктора явиться ко мне. Однажды мы случайно встретились, и я пытался поговорить с ним, однако разговора не получилось. Кстати, тогда он и сам не очень-то настаивал на признании его сыном.

– Его гордость – еще одно свидетельство принадлежности к роду Тирбахов. Порода, знаете ли, родовые традиции...

– Словом, уговорите его.

– Считайте, что я уже сделал это: Виктор стоит у подъезда, ждет вашего приглашения.

Юридические формальности заняли времени меньше, чем можно было предполагать. Главным образом потому, что Курбатов позвонил юристу и, представившись офицером контрразведки, настоятельно попросил ускорить эту нудную процедуру возвращения блудного сына. Ну а заключительный акт усыновления и наделения титулом, тоже по настоянию Курбатова, происходил в харбинском дворянском собрании. Предводитель местного дворянства огласил, что отныне Виктор фон Тирбах является «законом установленным сыном барона фон Тирбаха и перенимает его наследственный титул».

– Я до гробовой доски буду помнить все то, что вы для меня сделали, – клялся затем Виктор Курбатову в самый разгар вечера. – Никто и никогда, даже сам барон фон Тирбах, не сделал для меня больше, чем сделали вы, ротмистр. Да, теперь я такой же дворянин, как и вы, но у вас не будет слуги преданнее.

– Товарища по оружию, барон, товарища по оружию.

Обходя строй, Курбатов задержался возле фон Тирбаха даже чуть дольше, чем возле Реутова. Глаза Виктора и сейчас все еще излучали признательность. Об опасностях, которые подстерегают его во время рейда, он, казалось, совсем не думал. Все то, о чем он так долго и скрытно мечтал, – сбылось: он – офицер, причем сразу, минуя, прапорщика, получил чин подпоручика; а еще он – барон фон Тирбах, богатый наследник. Все остальное, что с ним происходило до сих пор и что может произойти через час-другой, никакого значения для него уже не имело.

– У вас еще есть возможность отказаться от участия в рейде, подпоручик фон Тирбах.

Остальные офицеры решили, что особое внимание к Тирбаху продиктовано возрастом этого самого молодого в группе маньчжурского стрелка. Просто никто из них не знал истинной цели их «великого похода», а то бы они истолковали обращение Курбатова совсем по-иному. А некоторые даже задались бы вопросом: почему в качестве спутника, причем одного-единственного, с которым Курбатов намеревался достичь Берлина, ротмистр избрал именно этого мальчишку?

– Простите, господин ротмистр, я искренне рад возможности участвовать в этом рейде, – щелкнул каблуками подпоручик.

– Ответ истинного офицера. Надеюсь, остальные господа офицеры тоже не желают оставлять этот строй? Маньчжурские стрелки, я прав?

– Так точно! – дружно откликнулась шеренга диверсантов.

– Тогда слушай меня! Там, за теми холмами, – русская, наша с вами, земля. И никакая граница, никакая пограничная стража не может помешать нам ступить на нее. Мы должны пронестись по ней, как тайфун. Чтобы везде, где мы прошли, народ понял: большевизму в России приходит конец. В то же время мы должны помнить, что там, за границей, – русский народ, поэтому без нужды ни стрелять, ни зверствовать, ни грабить. Конечно, война есть война, и мы с вами не ангелы...

– Это уж точно, – поддержал его подполковник Реутов, которому больше всех пришлось бродить тылами, причем не только русскими.

– ...Но там, где есть возможность продемонстрировать свое великодушие, демонстрируйте его, помня о чести и достоинстве офицера.

– Постараюсь, господин ротмистр.

– И еще. Все, кто встал в этот строй маньчжурских стрелков, должны отдавать себе отчет в том, что мы с вами – смертники. Поэтому все страхи оставьте здесь, на Черном Холме; туда мы должны идти так, как идут в последнюю штыковую атаку: гордо, под полковыми знаменами, помня о том, что наш рейд неминуемо войдет в истории этой войны, этого народа, этой цивилизации.

14

– Выстрелы прозвучали в ту минуту, когда группа почти достигла перевала. До седловины оставалось всего метров двадцать, но их нужно было пройти по совершенно открытой местности, а уже рассвело.

У места, избранного Радчуком для перехода границы, ночью обнаружилась засада, и Курбатов вынужден был вести группу по запасной тропе, пробираясь под колючей проволокой, рискуя подорваться на минах. Однако иного решения не было. Ротмистр не мог допустить, чтобы шлейф погони тянулся за ним от самой границы.

Впрочем, им и так повезло, что проводник, который и в самом деле оказался прекрасным пластуном, сумел обнаружить засаду. Иначе большая часть группы могла бы навечно остаться еще на кордоне.

– Конецкий, – вполголоса подозвал к себе поручика Курбатов. Они отдыхали, сидя под стволами низкорослых, почти карликовых сосен, и Конецкий оказался к нему ближе всех.

– Слушаю, ротмистр, – перекатился тот по влажной каменистой осыпи.

– Спуститесь метров на двадцать вниз, к проходу между каменными столбами. Ровно на полчаса, позиция там первоклассная, обойти ее почти невозможно. Ждем вас у восточной окраины станицы Зельской. Судя по карте, там должны быть руины монастыря.

– Не хлопчите, ротмистр, вряд ли мне суждено дойти туда, – обиженно процедил поручик, наклоняясь к Курбатову. Он был явно недоволен, что выбор пал именно на него. Но он также прекрасно понимал, что на кого-то же этот выбор должен был пасть и что подобное замечание – единственная форма возмущения, которую может себе позволить.

– Еще недавно вы убеждали, что идете в мою группу как самоубийца, то есть человек, попрощавшийся с жизнью. Не отрицаете?

– Нет смысла.

– Что в таком случае, произошло?

– Сам не знаю, очевидно, почувствовал, что вернулся на родную землю, на которой только бы жить да жить.

– До чего же обманчивыми бывают порой наши чувства, – с легкой иронией констатировал Курбатов. Он имел на это право, поскольку при формировании группы не скрывал, что не верит в безразличие поручика к своей судьбе, к собственной смерти.

– Вам это трудно понять, ротмистр.

– Даже не пытаюсь, – сурово предупредил его Курбатов. – Если ситуация сложится не в вашу пользу, имитируйте прорыв на ту сторону. Словно бы группа пытается вернуться в Маньчжурию. Это приказ, который вы обязаны выполнить.

– Радчуку нет необходимости имитировать подобный прорыв, он действительно должен вернуться. Тем не менее он упорно ведет красных по нашим следам.

– Или, наоборот, судя по недавней стрельбе, сдерживает их прыть. С Богом, выполняйте!

Уходя, Конецкий что-то проворчал, Курбатову даже показалось, что это было проклятие в его адрес. Однако ротмистр не остановил его, как немедленно поступил бы в любой другой ситуации.

Перевал венчался двумя седловинами, разделенными небольшим распадком. Преодолев его и оказавшись за второй седловиной, Курбатов подозвал Власевича.

– Позицию видите, подпоручик?

– Когда они пойдут по нашим следам, то подниматься должны будут, ориентируясь по этим трем соснам, – привалился плечом к одной из них Власевич.

– Логично.

– Здесь мы их и встретим.

Некрасивое, иссеченное фурункулами лицо подпоручика оставалось спокойным и безучастным. «А ведь по-настоящему мужественный человек», – подумалось Курбатову. Однако вслух произнес:

– Полагаюсь на вас, подпоручик, как на лучшего стрелка группы. Если окажется, что красных ведет кто-то из наших двоих, первым снимайте нашего.

– Тогда уже бывшего нашего. Будьте уверены, что сделаю это с превеликим удовольствием.

– Но если его преследуют, прикройте. Причем стрелять следует, как на показательных стрельбах.

– Промахи у меня случаются редко.

– А потом уходите вон к тому озерцу, сбивая овчарок со следа японским порошком и табаком. Мы движемся к Зельской. Отсюда до нее верст пятнадцать. Но след вы поведете на бурятский поселок Окмон. Карту приграничной местности вы изучали.

– Окмон так Окмон. Могильная рулетка, как считаете, ротмистр? – едва заметно ухмыльнулся Власевич, пристраивая карабин на замшелом камне между соснами.

– Мы будем ждать вас в течение двух суток после подхода к станице. Отсчет – с завтрашнего вечера.

– В таком случае будем считать, что ставки сделаны.

Позиция у него здесь идеальная, еще раз оценил местность Курбатов. Только бы не выдал себя раньше времени. Хотя обойти его здесь тоже трудновато, почти так же, как и позиции Конецкого.

Метрах в десяти по склону вырисовывалась довольно заметная тропа, возникавшая слева, из-за медведеподобной скалы. Она так и манила к себе. Но именно на нее должен был сделать ставку в своей могильной рулетке снайпер Власевич. Курбатов же повел группу вправо, по каменистому склону, изгибавшемуся в сторону границы, то есть как бы возвращая своих стрелков к маньчжурским сопкам. Становилось ясно, что теперь придется делать солидный крюк, прежде чем удастся добраться до Зельской, но главное для него было – оторваться от погони. Тем более что пограничники уже наверняка предупредили ближайшие отряды приграничного заслона о прорыве группы.

– Так мы скоро вообще останемся без людей, ротмистр, – бросил на ходу подпоручик фон Тирбах.

– А кто вам сказал, что я собираюсь пройти всю Россию с таким игривым табуном? – вполголоса спросил Курбатов.

– Простите, не посвящен.

– Первый серьезный разговор у нас с вами состоится после ухода из Читы, второй – уже на берегу Волги. Но уже сейчас вы должны запомнить, что мы не зря называемся «маньчжурскими стрелками». У группы нет какого-то конкретного задания: кого-то конкретно убить, что-то конкретно взорвать. Наша задача истреблять врага, где бы он ни находился, действуя при этом исходя из ситуации. Любой диверсант счел бы такое задание идеальным. Каждый из нас становится вольным стрелком. Притом, что врагов хватит на всех.

– В любом случае можете положиться на меня, князь. Во всем, что бы ни...

– Судьба диверсанта, барон, – прервал его Курбатов. – Кульчицкий, идете замыкающим. Обработайте след порошком.

15

Утихшая было перестрелка вновь возобновилась, но разгоралась она теперь значительно ближе, чем когда группа преодолевала распадок. И понять, подключился ли к ней Конецкий или это все еще воюет не сумевший вернуться за кордон проводник Радчук, было невозможно.

Багровое солнце прожигало вершину далекой горы, словно застрявшее в крепостной стене расплавленное ядро. Его лучи еще не могли развеять прохладу горного утра, однако группа спускалась вниз, где было теплее. И диверсантам казалось, будто теплело по мере того, как они приближались к солнцу.

В том направлении, в котором они двигались, гор уже не было, их сменяли небольшие лесистые сопки, в просвете между которыми виднелась крыша какого-то строения. Сверившись с картой, Курбатов определил, что это должна быть заброшенная заимка, которую охотники иногда использовали как лабаз и хижину для отдыха.

– Лучше обойти, – посоветовал Реутов, поняв, что ротмистр нацелился на хижину. – Уж она-то у красных давно на примете. Поняв, что имеют дело с диверсантами, они даже могут десантировать туда свою истребительную группу на бронетранспортерах.

– Не до десантов им сейчас. Все силы бросают на фронт. И потом, неужели они решат, что мы настолько наивны, чтобы устраивать себе отдых в заимке? И поскольку они так не решат, этим мы и воспользуемся.

– Мне бы вашу уверенность, Курбатов, – иронично смерил его взглядом подполковник.

– Приучайтесь подчиняться с достоинством, господин подполковник. И помните, что вы не в офицерском клубе, а в боевой группе стрелков-смертников.

– Спасибо за напоминание, ротмистр, – процедил сквозь зубы Реутов, и князь понял: то, чего он опасался при зачислении в группу старшего себя по чину, уже начало сбываться.

До избушки оставалось метров двести, когда глухим эхом прошелся по горной долине карабин Власевича. Курбатов был поражен, до чего же далеко слышны здесь выстрелы.

– Первая ставка в могильной рулетке Власевича, – прокомментировал Тирбах. Он был чуть пониже Курбатова, тем не менее рост его достигал почти метра девяносто, и все могучее тело с непомерно широкими, слегка заостренными к краям плечами источало силу и спокойствие. Курбатову стыдно было признаться себе, но, когда рядом появлялся этот оплетенный мышцами крепыш, он чувствовал себя как-то по-особому уверенно.

– Красные даже не догадываются, какие огорчения ждут их на этом спуске, – поддержал его Чолданов. На склоне он остушился и теперь заметно прихрамывал. Чтобы не отставать, штаб-ротмистр иногда по-медвежьи, переваливаясь с ноги на ногу, подбегал, совершая невероятно длинные прыжки на одной ноге. При этом рюкзак с патронами и консервами он переместил на грудь, поддерживая его руками у низа живота. – Они еще не знают, что Черный Кардинал патронов зря не тратит.

– Сейчас им такая возможность представится, – проговорил Вознов, помогая поручику Матвееву снимать с плеча рацию. – Не зря же в свое время я «прострелял» ему в тире три бутылки шампанского. Спасибо еще, что хоть распивали вместе, а то бы никогда не простил себе.

– Со мной он был менее великодушен, – заметил радист.

Власевич и в самом деле добыл себе кличку «Черный Кардинал». Он почему-то недолюбливал офицерский мундир и при первой же возможности облачался в черную тройку, черный цилиндр и черные штiblеты, а шею в любую пору года окутывал широким черным шарфом.

Выглядел он во всем этом как служащий похоронного заведения, однако в Харбине мало находилось тех, кто бы решился сказать ему об этом. Несмотря на строгий приказ атамана Семенова, запрещающий дуэли, остановить Власова он не смог бы. Тем более что ни один

дуэлянт под суд отдан еще не был, всегда обходилось домашним арестом. Возможно, потому обходилось, что и сам атаман в душе оставался отчаянным дуэлянтом.

Опушка, по которой нужно было пройти к хижине, просматривалась с ближайшего хребта. Чтобы не подвергать группу излишней опасности, Курбатов провел ее по зарослям и метрах в ста от хижины, посреди кустарника, обнаружил еще одно строение, возведенное на сваях и опоясанное террасой.

– А вот это уже настоящий лабаз, – определил Чолданов, хорошо знакомый с бытом сибирских охотников. – В меру сухой, в меру теплый, а главное, вполне пригодный для отдыха, поскольку отстреливаться из него – одно удовольствие.

Отправившись с согласия ротмистра на разведку, штаб-ротмистр уже минут через десять помахал в воздухе карабином, давая понять, что вокруг все спокойно.

– Полтора часа для привала, – скомандовал командир группы, бегло осматривая строение на сваях, в котором ему особенно нравилась терраса. Лежа на ней, действительно удобно было держать круговую оборону. – Реутов, займите пост вон на том, поросшем кустами холмике. Матвеев, готовьтесь к сеансу радиосвязи.

– Представляю, с каким нетерпением в штабе ждут нашего выхода в эфир, – самодовольно потер руки поручик, прежде чем достать свою рацию из вещмешка.

Первая радиограмма, ушедшая за кордон, была предельно краткой: «Перешли. Продвигаемся в стычках с противником. Потерь нет. Легионер».

16

То, что уже через тридцать минут Курбатов поднял группу, показалось диверсантам сумасбродством. Откровенно протестовать никто не решился, но было очевидно, что в душе каждый проклинает его. Сменивший Реутова штаб-ротмистр Чолданов устроился на развилке веток лиственницы и уверял, что все вокруг спокойно. Даже выстрелы на перевале то ли затихли, то ли просто не долетали до лесной чащобы, в которой расположился лабаз.

Однако Курбатов и не пытался убеждать своих маньчжурских стрелков, что предчувствует какую-то опасность. Он просто-напросто приказал выступать, а на посыпавшиеся вопросы ответил двумя словами: «Движемся к тропе».

Так ничего толком и не поняв, диверсанты метров двести пробежали, потом, уже слышав выстрелы, еще долго пробирались сквозь бурелом и через широкую каменистую падь. И лишь когда ротмистр расставил их по обе стороны тропы, в том месте, где она пересекала широкий ручей, плес которого путнику приходилось преодолевать, перескакивая с камня на камень, поняли, что руководило их командиром не сумасбродство, а что это сработала интуиция. Как поняли и то, что и отдыхать, и обороняться в этой местности было куда безопаснее, нежели в лабазе.

Еще более получаса прошло в таком спокойствии, и все, кроме стоявшего на посту Вознова, предались сну. Но именно в это время часовой заметил Радчука, тащившего на себе поручика Конецкого. Причем приближался поручик не той тропой, по которой группа отходила от лабаза, а вдоль ручья, очевидно, пытаясь сбить с толку преследователей, которые решат, что уходит он будет в глубь страны, в то время как ручей поворачивал к границе.

Реутов и Вознов бросились к нему, помогли перенести поручика через ручей и только в зарослях, уже встретившись с Курбатовым и Тирбахом, обнаружили, что поручик мертв. Он скончался, очевидно, на руках Реутова и Вознова.

Сам Радчук упал к ногам командира и минут десять лежал, не пытаясь произнести ни слова. Казалось, он был в состоянии крайнего физического истощения.

Тирбах, наиболее смысливший среди них в медицине – он единственный окончил ускоренные шестимесячные курсы военфельдшеров – даже пытался осмотреть его, подозревая, что Радчук ранен.

– Да жив пока что, жив, – нервно отреагировал поручик на его ощупывание. – Что ты меня, как девку лапаешь?!

– Тогда возьмите себя в руки, – обиделся подпоручик.

– Какое: «В руки»? Ноги, вон, чуть не протянул!

– Где Власевич? – спросил проводника Курбатов.

– Где-то там, – махнул Радчук в сторону хребта. – Услышим карабин, значит, еще жив. Молодец Черный Кардинал: меток и хладнокровен. Когда я понял, что к границе не прорваться, начал отходить, пока не наткнулся на раненого Конецкого. Тогда он еще чувствовал себя относительно хорошо. Отходя, мы даже отстреливались. А потом нас прикрыл Власевич. Нас преследовали трое красноперов, видимо, решили взять живыми, однако Власевич, который засел на скале, расстрелял их, как в тире, – натужно выдыхал каждое слово поручик, изогнувшись на своем вещмешке, который так и не бросил, несмотря на то, что пришлось тащить раненого. – Словом, молодец Черный Кардинал. Вы знали, кого оставить на прикрытие.

– Знал, конечно, – мрачновато признался Курбатов. – Вы тоже повели себя благородно, пытаясь спасти Конецкого. Другой на вашем месте, по диверсантской традиции, попросту добил бы его.

– Признаться, тоже мысль такая была, поскольку вдвоем нам уйти было бы невозможно. А потом услышали голос Власевича: «Рысью с тропы! Прикрываю!».

– Благородно, благородно, – повторил Курбатов, вспоминая, с какой обидой и с какой обреченностью уходил на прикрытие Конецкий. – Вознов и Чолданов, документы и оружие у погибшего изъять, тело предать земле. И как можно скорее.

Пока стрелки уносили тело поручика к ближайшей расщелине и забрасывали камнями, вновь ожил японский карабин Власевича. Прозвучало всего два выстрела, на которые красноармейцы огрызнулись десятком автоматных очередей. Но по тому, сколь коротки были эти очереди, Курбатов сразу же определил, что патроны у преследователей на исходе. Слишком уж экономно они собирались их расходовать.

– Иволгин, – обратился он к штабс-капитану в те минуты, когда выстрелы слышались почти рядом, за скалой, багрянившейся на солнце метрах в двухстах от ручья. – Постарайтесь предупредить Власевича, что мы здесь, и увести его с тропы. Всем остальным – подальше от нее. Огонь открывать не раньше, чем красные преодолеют ручей. Пусть втянутся и пройдут между «почетным караулом».

Вместо ответа Иволгин поднял руку, приветственным жестом римского трибуна давая понять, что ему все ясно.

– Все, господин ротмистр, похоронили, – вернулись через несколько минут Чолданов и Вознов. – Не по-христиански, правда, как-то, – почти простонал Вознов. – Без отпевания, без креста и салюта.

– За салютом дело не станет, как только появятся коммунисты, – спокойно ответил Курбатов. – Отсалютуем по первому разряду. Кстати, меня разрешаю похоронить с таким же аскетизмом. Можно даже без отпевания, но с обязательным боевым «салютом».

– Только не вас, ротмистр. Не приведи Господь! – предостерегающе заслонился ладонями Вознов. Этот парень давно показался Курбатову слишком нервным и излишне эмоциональным. Но Родзаевский представил подпоручика как отличного взрывника. И четыре мины, которые он тащил в своем вещмешке, должны были подтвердить его репутацию.

* * *

Ждать пришлось недолго, однако минуты эти были тягостными, особенно для Курбатова. С одной стороны, он уже, по существу, оправдал свой «марш к тропе» тем, что сумел вернуть в группу Радчука и предать земле Конецкого. К тому же появилась надежда спасти Власевича. С другой – Курбатов прекрасно понимал, что если группа увязнет в стычке, красные получают подкрепление и его рейд к границе рейха может закончиться прямо здесь, у границ Маньчжурии.

Курбатов явственно ощущал, что группа сковывает его, даже такая, состоящая из неплохо подготовленных маньчжурских стрелков. Не очень соглашаясь поначалу с тем, чтобы группу возглавил он, нижегородский фюрер как-то сказал ведавшему физической подготовкой диверсантов полковнику Сытову: «А вам, любезнейший, не кажется, что этот Курбатов по самой натуре своей волк-одиночка, и что по-настоящему он способен развернуться, только оказавшись предоставленным самому себе?».

«Приблизительно так оно и есть, – без особых колебаний согласился полковник. – Как офицер, он волевой, влиятельный и с ролью командира диверсионной группы справится. Но проблема в том, что куда увереннее он чувствует себя в одиночестве. Большинство же диверсантов уверенно чувствуют себя только в составе группы, исходя из общеармейского утверждения относительно того, что, дескать, один в поле не воин. Поэтому-то считаю, что его группе следует предоставить максимальную свободу действий. Пусть в ходе рейда состав расселится по диверсионным квартирам в разных городах России, и каждый из них будет возвращаться сюда, на базу, – выполнив задание, естественно, – уже в одиночку».

«Так, может, действительно отправить его одного?» – усомнился Родзаевский.

«Опасно. Атаман ставит на Курбатова. И потом, отстранить от командования Курбатова можно, да только встает вопрос: кем его заменить?».

Когда весть об этом разговоре достигла Курбатова, он поначалу обиделся на Сытова: по существу, тот усомнился в его командирских способностях. Однако со временем, когда начались тренировки уже в составе группы, неожиданно убедился: а ведь полковник прав! По-настоящему он способен раскрыть свои возможности, только будучи предоставленным самому себе. И первые сутки рейда лишь укрепили его в этой мысли.

– Сколько их там? – поинтересовался ротмистр у Радчука, решив, что тот наконец отдышался и пришел в себя.

– Было человек двадцать. Около шести-семи мы с Власевичем уложили. Возможно, кто-то остался на счету Конецкого, да и после моего ухода Власевич, как видите, время от времени постреливает.

– Подкрепления не видно было?

– Похоже, пограничники решили, что имеют дело с контрабандистами. Я слышал, как один из них крикнул: «Эй, контрабанда, бросай свое барахлишко! Все равно всем каюк!».

– Это обнадеживает. Куда лучше, чем если бы сразу же разгадали в нас диверсантов. Долго гоняться за контрабандистами, да еще и вызывать солидное подкрепление, пограничники не станут. Предоставят разбираться с ними местной милиции.

Он хотел сказать еще что-то, но выстрелы, прозвучавшие уже по ту сторону скалы, заставили его умолкнуть.

– Надо бы все-таки пойти на помощь Власевичу всей группой, – упрекнул его Вознов.

– Прекратить разговоры и затаиться, – осек его ротмистр.

17

Власевич появился неожиданно. Рослый, кряжистый, он брел, тяжело переставляя ноги и по-волчьи, поворачиваясь всем корпусом, оглядывался, словно затравленный зверь. Карабин в его огромной лапище казался игрушечным.

Он приближался молча, не догадываясь, что свои уже рядом, а затаившиеся в засаде диверсанты тоже никак не выдавали себя.

К речушке подпоручик подступал, держась поближе к зарослям, чтобы в любое мгновение можно было скрыться в них и вновь отстреливаться, отбиваясь от наседавшей погони.

Иволгин, который оказался ближе всех к речке и первым должен был окликнуть Власевича, почему-то молчал. Остальные тоже молча проследили за тем, как, перешагивая с камня на камень, подпоручик переправился через многорукавный плес, прилег за валун и, немного отдышавшись, подполз к воде. Пил он долго, жадно, а потому беспечно. Но, пока он утолял жажду, Курбатов сумел незаметно приблизиться к нему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.